

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 210

Д.Ю. МОРОЗОВ

**СЕВЕРОАФРИКАНСКАЯ
ИММИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ**

Москва
2009

ISBN 5-201-00-856-9 (10)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Д.Ю. Морозов

Североафриканская иммиграция во Франции. – М., ИЭА РАН, 2009. – Вып. 210. – 40 с.

Автор анализирует историю и современные проблемы миграции из стран Магриба во Францию, в том числе трудности во взаимоотношениях коренных жителей и мигрантов в процессе интеграции последних в принимающее общество.

© ИЭА РАН – 2009 г.
© Д.Ю. Морозов – 2009 г.

Д.Ю. Морозов

Североафриканская иммиграция во Франции

Resume

This report is about a Maghrib immigration in France. It relates the history of the immigration afflux, difficulties in the relations with the genuine population and integration in French society. It also refers to the actual problems of public debate about the issue.

ВВЕДЕНИЕ

Миграция превратилась в настоящее время в важный фактор современной жизни. Она оказывает заметное влияние на экономическую, политическую, социальную жизнь многих государств, в т. ч. во Франции, где иммигранты или их потомки составляют значительную часть населения. В настоящее время во этой стране более трети всех французов имеют предков-иммигрантов, т. е. тех, кто однажды приехал в страну, чтобы обосноваться там навсегда. Это даёт право говорить, что проблема иммиграции, так или иначе, затрагивает историю многих французских семей.

Иммигранты составляют значительную долю работников в отдельных отраслях экономики, особенно в тех, где в больших масштабах применяется ручной труд (текстильная, пищевая, кожевенная, строительная и другие отрасли промышленности). Рабочие-иммигранты составляют до половины, а то и больше, занятых малоквалифицированным трудом. Всё это говорит о важности поставленной в работе проблемы и её актуальности.

Для раскрытия указанной темы был задействован широкий круг источников. В первую очередь, это – источники статистического характера, в т. ч. опубликованные данные переписей населения. Другой группой использованных материалов являются нормативно-правовые акты Французской республики, в частности Гражданский кодекс¹. Третью группу составляют источники эпистолярного характера – мемуары и воспоминания, высказывания различных политических деятелей по вопросу иммиграции, а также письма и интервью самих иммигрантов. Четвертую – материалы, почерпнутые из французской прессы, французского международного радио (RFI²) и ресурсы ИНТЕРНЕТа, поскольку проблема иммиграции активно обсуждается во французских средствах массовой информации. Журналисты стараются выдерживать политкорректный стиль и избегают таких острых вопросов, как расизм, ксенофобия, национализм.

Будучи во Франции, автор имел возможность говорить на исследуемую тему с французами. И хотя полученные в ходе бесед сведения субъективны и в силу этого их нельзя назвать репрезентативным источником, всё же они способствовали написанию работы.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРОАФРИКАНСКОЙ ИММИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Начало миграционного потока во Францию

Начало миграционного потока во Францию приходится на рубеж XIX–XX вв. Причиной этого явления стали демографические и экономические обстоятельства, с которыми столкнулась страна. Если в начале XIX в. население Франции составило 30 млн. чел., что выдвинуло эту страну на первое место в Европе по численности населения (в Англии, например, тогда было около 10 млн. жителей), то к концу XIX в. французское население увеличилось лишь на 13 % и сравнялось по численности с английским, прирост которого за этот отрезок времени составил 300 % (40 млн.).

Невысокая рождаемость в стране, вызывала серьёзное беспокойство во французском обществе. Призыв правительства «Делать детей» («Faire des enfants!») был обращён ко всем социальным слоям и группам населения. Иммиграции также отводилась особая роль³.

Поначалу, в 50-е гг. XIX в., иностранцы составляли около 1 % населения страны: 381 тыс. из 35,7 млн. французов⁴. По переписи 1851 г., бельгийцев насчитывалось 128 тыс. чел., испанцев – 30 тыс. чел., итальянцев – 63 тыс. чел., швейцарцев – 25 тыс. чел. и представителей других национальностей – 135 тыс. чел. Большинство из них с трудом можно назвать иммигрантами, т. к. в основном это были рабочие из соседних пограничных стран, которые проживали у себя на родине, а работали во Франции.

В 1872 г. количество эмигрантов уже составляло 2 % населения, половина из которых были бельгийцами, работавшими в городах, на шахтах и свекловичных полях севера Франции⁵.

К концу XIX в. Франция испытывала недостаток дешёвой рабочей силы. Именно с этим связан массовый приток иммигрантов, который пришёлся на период 1885–1895 гг., когда около 1 млн. иностранцев, в основном европейского происхождения, приехали на заработки, причём теперь они обосновались не только в приграничных районах, но и в центральной Франции. Первыми среди них были итальянцы, которые составляли 30 % рабочих юго-востока страны. Они занимались малооплачиваемым, неквалифицированным трудом, чрезвычайно выгодным местным предпринимателям⁶.

Наиболее ранними североафриканскими мигрантами принято считать алжирских торговцев тканями и ремесленными изделиями. Они появились в 70-е гг. XIX в. Французы называли их «туркос»⁷. Удалённость территорий, разные религии, традиции и языки привели к возникновению предвзятого общественного мнения в отношении североафриканцев, которые местными жителями представлялись

людьми «диких нравов». Этим во многом объясняется политика освоения новых территорий в Алжире, которая проходила по классическим методам раннего колониализма, – насильственная экспроприация земельной собственности повлекла за собой бегство населения из сельских районов; разрушение традиционного хозяйственного уклада, экономических связей в масштабе национальной территории вызвало появление «избыточной» рабочей силы, готовой к использованию на рынке труда в метрополии⁸.

Декретом от 16 мая 1874 г. были утверждены правила, разрешающие переезд алжирцев во Францию. Первые алжирские рабочие обосновались на южном побережье Франции в районе Марселя и трудились по преимуществу на маслозаводах. В 1905 г. их было всего несколько сот человек, но уже к 1912 г. это число увеличилось до 3,5 тыс. чел., причём теперь они работали на доках и мыловаренных заводах. 1500 алжирцев были заняты на заводах и шахтах Нор-Па-де-Кале. В парижском регионе иммигранты работали на стройках и заводах по переработке сырья.

Накануне Первой мировой войны во Франции появились и первые марокканские эмигранты, пересекавшие границы метрополии в большинстве своём нелегально. В 1909 г. некоторые из них работали в Нанте на металлургическом заводе, а около 700 чел. – в Бордо.

Стоит отметить тот факт, что индустриальный набор рабочих осуществлялся, в основном, среди кабиллов, одного из берберских народностей северного Алжира. Такая избирательность объяснялась тем, что население Кабилии занималось выращиванием зерновых и виноградарством. Труд этих наёмных рабочих использовался на виноградниках Лангедока⁹.

К 1913 г. число магрибинцев достигло 30 тыс. чел. А всего иммигрантов в этот период насчитывалось 3 % населения¹⁰.

Следующий значительный поток эмигрантов в метрополию связан с Первой мировой войной, когда большой контингент алжирцев был мобилизован на фронт и на работы по восстановлению страны. Однако это вызвало недовольство французских колонистов в Алжире, которым был невыгоден отток рабочей силы¹¹.

Всего с 1914 по 1918 гг. было мобилизовано около 170 тыс. североафриканцев, 250 тыс. чел. были направлены на промышленные объекты, 40 тыс. оказались убитыми на полях сражений, всего «умерли за Францию» около 60 тыс. североафриканцев. Эти солдаты и рабочие, призванные из африканских саванн и тропиков, служили, в основном, «пушечным мясом» передовой линии фронта.

К концу Первой мировой войны эмиграция во Францию изменилась качественно. С этого времени она была связана с промышленным развитием страны и стала «традиционной». В послевоенный период французский капитал стремился развивать преимущественно трудовую иммиграцию, что привело к значительным изменениям в её социальной структуре. Взяв курс на контролируемый импорт трудящихся, государство старалось обеспечить рабочей силой те отрасли промышленности и сельского хозяйства, где широко использовался малоквалифицированный и неквалифицированный труд, в котором в первую очередь нуждалось строитель-

ство, горная промышленность, чёрная металлургия, а также некоторые виды тяжёлых и опасных работ в других отраслях индустрии.

В годы войны начался переход к организованному коллективному набору рабочей силы во французских владениях, который осуществлялся специально созданной для этого Службой колониальных трудящихся. Следует отметить, что контрактная система найма, по сравнению с вольной, значительно снижала заработную плату.

Между 1914 и 1928 гг. алжирская иммиграция достигла цифры в 471 390 чел., из которых 365 024 вернулось домой, что даёт право предположить, что 100 тыс. осталось во Франции. Министерство иностранных дел приводит данные о 70 тыс. алжирских эмигрантах в 1926 г. и 80 тыс. в 1928 г. Эти цифры далеки от реального положения дел, т. к. накануне Второй мировой войны во Франции проживало 200 тыс. алжирцев¹².

Несколько иная ситуация сложилась с выходцами из Марокко. Патронат страны был заинтересован в запрещении эмигрантского потока. Султанским дахиром от 1921 г. было запрещено создание в Марокко бюро по найму, а дахир 1924 г. не разрешал экспорт мужской рабочей силы. Циркуляр 1925 г. вводил запрет на эмиграцию вплоть до 1931 г. Однако в 1925 г. из Марокко в метрополию уехало 15 тыс. чел., а в 1928 г. – 21 тыс. Дахир 1931 г. установил контроль за эмиграцией из района Суса. Только султанским дахиром 1938 г. в Марокко была создана Служба эмиграции из руководителей генеральной резидентуры протектората, которая за период 1938–1940 гг. обеспечила французскую промышленность и сельское хозяйство 15-ю тыс. рабочих¹³.

Установившаяся система рекрутирования магрибинской рабочей силы из самых бедных районов повлекла за собой традиции в её использовании во Франции, а также в её размещении. Распределение иммигрантов было теснейшим образом связано с экономической конъюнктурой Франции и находилось в прямой зависимости от спроса на рабочую силу. С 1930-х гг. иностранцы работали в Парижском районе, на шахтах и промышленных предприятиях Севера и Востока, а также в Альпах – от Ментона – до Бордо в Верхнем Провансе, Лангедок, на юго-востоке Центрального массива. Сельскохозяйственные рабочие направлялись в Пикардию, Шампань, Артуа, в Приморские Альпы, Прованс, Лангедок, Русийон.

Всего же численность иностранного населения страны в 1931 г. достигала 2,7 млн. чел. (6,6 % от всего населения)¹⁴, что в процентном соотношении соответствует данным начала 90-х гг. XX в.

В рассматриваемый период обозначились основные причины и черты миграционных потоков во Францию: замедление темпов естественного прироста населения и нехватка рабочей силы на фоне экономического подъёма вызывали необходимость привлечения иностранной рабочей силы. Также в этот период правительство делает первые попытки государственного регулирования миграционных потоков путём создания различных структур как, например, Федерация сельскохозяйственных рабочих Северо-Востока, Комитет итальянских кузнецов Мёрт-э-Мозель, Всеобщее объединение иммигрантов.

Предвоенный и послевоенный периоды магрибинской иммиграции (1931–1954 гг.)

Во время экономического кризиса начала 1930-х гг. вышли первые постановления правительства об ограничении въезда в страну иностранной рабочей силы и о предоставлении финансовой помощи тем безработным иммигрантам, кто решил возвратиться на родину. Закон от 10 августа 1932 г. о защите национальной рабочей силы заложил основы по ограничению иностранного присутствия в каждом секторе экономики.

Вторая мировая война также привела к снижению числа иммигрантов. Но североафриканскую эмиграцию Франция использовала так же, как и во время Первой мировой войны, для компенсации людских потерь. Так, например, в 1939 г. 10 тыс. марокканцев были призваны в армию, в 1945 г. их было уже 45 тыс.

Алжирские, тунисские, марокканские солдаты храбро сражались на западном фронте и наравне с французами приближали победу над фашизмом. Интересное свидетельство приводит Анри Амуру в своей книге «Весна смерти и надежды»: во время битвы за Бельведер тунисский лейтенант Эль Хади Бек Гоум захватил со своими солдатами высоту 470. Смертельно раненый, он прокричал: «Да здравствует Франция!»¹⁵.

В целом за период 1931–1945 гг. произошло значительное сокращение числа иммигрантов. Это сокращение не смог компенсировать даже приток испанских беженцев. В 1946 г. иностранное население составило 1,7 млн. чел., в то время как десять лет назад оно составляло 2,2 млн.¹⁶

После окончания Второй мировой войны Национальный институт демографических исследований (INED¹⁷) и Общий комиссариат по плану опубликовали доклад, в котором указывали на дефицит населения страны (потери в войне составили около 1 млн. чел.), варьиравшийся от 5,5 до 14,4 млн. чел., среди них 2,5 млн. – взрослое население. Большинство исследователей говорило о необходимости проведения интенсивной миграционной политики. Поэтому снова встал вопрос об иммиграции как возможном варианте решения демографических и экономических проблем. Генерал де Голль в речи, произнесённой перед Конституционной Ассамблеей 2 марта 1945 г., предложил «проводить в течение следующих лет разумную и обдуманную иммиграционную политику».

Предполагалось пригласить 1,5 млн. чел. на 5 лет. Так, например, комиссия по рабочей силе в 1947 г. приняла 250 тыс. иностранцев, в последующие полтора года – 430 тыс., среди которых большинство были выходцами из Алжира. Указом от 2 ноября 1945 г. были определены условия въезда и пребывания во Франции. Была также создана Национальная иммиграционная служба (ONI), которой предоставлялось монопольное право на управление миграционными потоками и наём иностранной рабочей силы, а также организацию переселения (воссоединения) семей. Она оценивала профессиональную пригодность претендента на работу во Франции и оформляла вид на жительство. Но возлагаемые на неё надежды не оправдались: процедуры въезда были слишком запутаны, приём семей иммигрантов был оставлен без внимания, проблема жилья не была решена. Всё это повлекло за

собой появление на рынке жилья незаконной рабочей силы и незаконной эмиграции и, как следствие, негативное общественное мнение об иммигрантах, что показали опросы 1947 и 1948 гг.¹⁸

Рассматриваемый период характеризуется ростом всей североафриканской эмиграции, которая значительно опережала португальскую и испанскую. Страны Магриба поставляли наиболее дешёвую рабочую силу по сравнению со странами Южной Европы. Существовал целый ряд специальных агентов-вербовщиков. Традиционная вербовка позволяла нейтрализовать деятельность профсоюзов и помещать иммигрантам принимать участие в рабочем движении.

По сравнению с общей иммиграцией, магрибинская росла беспрецедентно – 32,5 % в год, в основном за счёт марокканской – 37,5 % и тунисской – 12 %, хотя в численном выражении она была ещё незначительной: например, тунисцы в 1946 г. составляли 1916 чел., а в 1954 г. – 4800 чел.¹⁹

Самая многочисленная алжирская эмиграция из заморского департамента Франции отличалась более свободной циркуляцией населения. Это было связано с двумя факторами: с одной стороны, реконструкцией послевоенной французской экономики, а с другой – озабоченностью колониальной администрации безработицей в Алжире, которая могла привести к новым политическим волнениям, подобным тем, что были 6 мая 1946 г.²⁰ До 1960 г. алжирцы пользовались относительной свободой передвижения, поскольку на границе существовали специальные миссии французских иммиграционных служб.

Основной этап формирования магрибинской группы во Франции (1954–1974 гг.)

В период 1954–1962 гг., характеризующийся глубокими изменениями рынка труда, войной в Алжире и экономическим подъёмом в метрополии, наблюдалось некоторое снижение числа иммигрантов из Алжира (11,3 тыс. чел. в год) и, наоборот, увеличение числа марокканцев и тунисцев. Среди марокканских иммигрантов, в частности, было много солдат, сражавшихся во французской армии, которые после демобилизации остались работать на шахтах. Обзаведясь семьями, они не вернулись домой. В соответствии с данными начала 50-х гг., иммигранты составляли 79 % металлургов, 72 % сельскохозяйственных рабочих, 68 % строителей, 59 % горнорабочих.

Всего, по данным Национальной иммиграционной службы, за этот период было принято 432 тыс. иностранных рабочих, что гораздо больше запланированного количества.

Начиная с 1962 г., доля европейских эмигрантов (испанцев, итальянцев, португальцев) продолжала сокращаться, что было связано с повышением уровня жизни в этих странах. Италия, например, сама превратилась в страну иммиграции. В то же время число выходцев из стран Магриба и Африки в целом неуклонно росло, что объясняется всеобщим экономическим подъёмом во Франции в начале 60-х – середине 70-х гг. и одновременно нехваткой рабочих рук в ряде отраслей французской экономики. Однако с получением Алжиром независимости в 1962 г. кончилась свободная эмиграция. С этого периода начинается расширение государственного регулирования миграционных процессов.

10 апреля 1964 г. было заключено первое франко-алжирское соглашение о рабочей силе, известное под названием «Соглашение Наккаша-Гранваля». Оно отличалось жёстким контролем, что резко уменьшило приток алжирцев в 1965–1966 гг.²¹ Новое соглашение на три года, подписанное 27 декабря 1968 г., определило ежегодный контингент эмигрантов по 35 тыс. чел.²² в год.

И всё же алжирская иммиграция оставалась по-прежнему самой многочисленной: с 1962 по 1972 гг. она выросла с 425 тыс. до 800 тыс. чел. Более молодая марокканская и тунисская иммиграция значительно ей уступали. За указанный период число марокканцев увеличилось с 50 тыс. до 218 тыс. чел., а тунисцев – почти с 35 тыс. до 120 тыс. чел.²³

Конвенции с Марокко и Тунисом Франция заключила в 1963 г., с тем, чтобы даже юридически решить вопрос о строго ограниченном контингенте иммигрантов. Заключая двусторонние соглашения, страны Магриба стремились обеспечить лучшие условия продажи своей рабочей силы за границу.

Эта миграция была основана на принципах временного организованного найма рабочей силы, предполагавших возвращение иммигранта на родину по окончании срока контракта. Пребывание в стране свыше оговоренного срока считалось незаконным. Иммигрант лишался трудовой книжки, охраны труда, социального обеспечения, оплаты дополнительных часов работы и пр.

Соглашения ограничивали возраст иммигранта 35 годами. Это было связано со стремлением ограничить социальные расходы на наёмных рабочих, а также с тем, чтобы обеспечить работодателей наиболее трудоспособной рабочей силой, в частности, для работы на шахтах, где найм осуществлялся на 18 месяцев.

В это время начинается поощрение семейной иммиграции, что было более выгодно, поскольку она влекла за собой расширение внутреннего рынка, рост сбыта производимых в стране товаров, а также сдерживала утечку валюты. По сообщениям французской прессы, новые тенденции в миграционной политике совпадали и с постепенной адаптацией мигрантов в новой стране, желанием остаться здесь на более продолжительный срок или даже навсегда. В эти годы уже складывается сообщество иммигрантов, которые приспособились к жизни во Франции и не собирались её покидать, что влекло за собой переезд к ним их семей²⁴. Из всех мигрантов, прибывавших во Францию в этот период, наиболее высокий процент семейной иммиграции был среди марокканцев.

Семейная иммиграция означала не просто перемены во внутренней жизни иммигрантов. И мигранты и принимающая сторона столкнулись с необходимостью улучшения жилищных условий приезжих, т. к. зачастую жить в бараках с семьёй было невозможно, с потребностью выделять средства на образование и питание их детей²⁵. Кроме того, рост числа африканок привёл к усложнению структуры магрибинской диаспоры и появлению новых контактов с французским обществом. К традиционным проблемам иммиграции добавились вопросы, связанные с отношениями внутри африканской семьи и положением африканской женщины как внутри диаспоры, так и вне её²⁶.

Осевшие в стране марокканцы пользовались большими льготами. Например, в 1960-е гг. марокканцы получали пособия по нетрудоспособности в течение 5 лет, в то время как тунисцы – только в течение 3 лет²⁷.

По отношению ко всему иностранному населению за десятилетие 1962–1972 гг. процент магрибинцев вырос с 25,5 до 34,9 %²⁸. Основной поток по-прежнему шёл из Алжира. Это стало возможно при попустительстве в иммиграционной политике, несмотря на принятые меры, поскольку французская экономика остро нуждалась в рабочих руках. При Ж. Помпиду и В. Жискара д'Эстене во Францию приехало наибольшее число магрибинцев. В этот же период выросло число лиц, принявших французское гражданство. В 1970 г. их число составило 35 тыс., а в 1978 г. – уже 54 тыс. чел. Каждый год 2 тыс. марокканцев принимали французское гражданство в результате длительного процесса натурализации²⁹.

Появившиеся с конца 1960-х – начала 1970-х гг. кризисные явления во французской экономике, рост безработицы, снижение государственных ассигнований на социальные нужды особенно тяжело сказались на иммигрантах³⁰. Спутником кризиса стал рост расистских настроений, проявления ксенофобии вошли в повседневную жизнь³¹.

Иностранные рабочие оказались под двойным гнѐтом ещё и потому, что правые силы пытались сделать их «козлами отпущения» («boucs émissaires») за многие трудности, порождённые кризисом. Лозунгом одной из правых партий стал призыв «1,5 млн. безработных означает, что 1,5 млн. иммигрантов являются лишними»³². Парижский журнал «Le Nouvel Observateur» так писал об этом периоде: «Иммигранты из Алжира и других стран Магриба больше других страдали от безработицы, но их же упрекали в том, что они сами её породили. На первоочередные жертвы инфляции вваливали ответственность и за это явление, к которому они никак не были причастны. Рабочие-иммигранты – жертвы большинства несчастных случаев на производстве, и они же представляются виновниками переполненности больниц. Алжирцу не сдавали жильё, его отказывались обслуживать в баре, так как его считали... ответственным за нефтяной кризис. В обществе, где эмигранты призваны облегчить издержки производства, кризис усугубляет их положение дешёвой рабочей силы, эксплуатируемой в режиме 'жѐсткой экономии'»³³.

Французские власти продолжали попытки поставить иммиграцию под контроль. По договору с правительством Алжира 1972 г. устанавливался ежегодный лимит трудовой иммиграции в 25 тыс. чел. Кроме того, 23 февраля 1972 г. вступил в силу указ, названный по имени его автора «циркуляром Фонтане». Он должен был регулировать приезд новых иммигрантов, унифицировал срок действия карточек пребывания и работы, обязывал работодателей искать рабочую силу только через Национальное агентство по занятости (ANPE) и предоставлять иностранным рабочим жильё на территории Франции³⁴. Указ был направлен на борьбу с ростом нелегальной иммиграции, но реально не учитывал возможности и интересы средних и мелких нанимателей, особенно в вопросе размещения иностранной рабочей силы.

Кризис совпал с общим ухудшением франко-алжирских отношений, обострившихся после национализации Алжиром нефтепромышленности. Во Франции акти-

визировались те, кто страдал из-за утраты колониальных привилегий. Волна анти-алжирских выступлений поднялась до опасного уровня. Иммигранты из стран Магриба стали излюбленной мишенью воинствующих расистов. Летом 1973 г. («смертоносное лето») дело дошло до кровавых инцидентов, жертвами которых стали алжирские граждане. Во время демонстрации протеста против положения иммигрантов были убиты десятки магрибинцев. В такой обстановке забота о безопасности соотечественников заставила правительство Алжира 17 сентября 1973 г. принять решение о приостановке иммиграции во Францию. В одном из своих выступлений президент АНДР Хуари Бумедьен заявил: «Мы старались молчать, но сейчас чаша терпения переполнена. Будущее алжиро-французских отношений зависит от обеспечения безопасности и достоинства алжирских рабочих во Франции»³⁵.

По указу от 5 июля 1974 г. иммиграция постоянных иностранных рабочих во Францию была приостановлена, а иммиграция семей прекращена до 1 июля 1975 г. Кроме того, после достижения совершеннолетия высылались дети иммигрантов, ограничивался приезд родственников, ставились препоны бракам иммигрантов с местными жителями, а также пересматривались правила предоставления политического убежища. Подобная политика принесла определённые плоды: в 1974 г. число постоянных иностранных рабочих, въехавших во Францию, сократилось с 132 055 чел. (1973 г.) до 64 461 чел., а в 1975 г. составило 25 591 чел.³⁶ Французские власти, кроме политики ограничения въезда иностранцев, предпринимали шаги, направленные на стимулирование отъезда ранее прибывших иммигрантов. В случае их отъезда на родину им предоставлялась специальная денежная помощь, которая в 1974 г. составляла около 10 тыс. франков (2000 долл.) на одного работающего и 5 тыс. франков на ребёнка плюс расходы на проезд. Однако экономическое положение стран Магриба и происходящие там политические процессы не способствовали стабильности и востребованию рабочей силы и делали практически невозможным возвращение иммигрантов, лишь 3 % из них вернулись на родину³⁷. Кроме того, их отъезд в количественном отношении был перекрыт приездом родственников и развитием нелегальной иммиграции.

Формирование североафриканской иммигрантской группы на современном этапе (1975–1990-е гг.)

С середины 1970-х гг. французские власти взяли курс, фактически направленный на сокращение числа иностранцев в стране. Возобновление «вида на жительство» было поставлено в зависимость от состояния занятости иммигранта. Был введён запрет на въезд во Францию членам семей рабочих, нанимающихся сроком до 3-х лет³⁸. По отношению к алжирцам, проживающим во Франции, эта и ряд других административных мер были нарушением не только зафиксированного в Эвианских соглашениях³⁹ принципа свободного перемещения лиц между странами, но и двусторонней межправительственной конвенции 1968 г.⁴⁰ На франко-алжирских переговорах в декабре 1979 г. министр иностранных дел АНДР М. Беняхья категорически отверг навязываемый Францией принцип принудительного

возвращения алжирцев на родину. В сентябре 1980 г., в период определённого улучшения французо-алжирских отношений, сторонам удалось выработать компромиссное соглашение, в соответствии с которым Алжир обязался поощрять добровольный выезд соотечественников из Франции, а французское правительство согласилось отказаться от практики высылки алжирцев из страны⁴¹. Был разрешён въезд в страну иммигрантов с семьями, однако без права на работу членам семьи.

В дальнейшем, в 1981 г., был принят закон, вновь поощряющий семейную иммиграцию и предусматривающий меры против подпольной иммиграции. Это сразу вызвало рост семейной иммиграции: к 1982 г. только по одной из анкет (группа СЕЛИО) приехало от 4 до 6 тыс. женщин и от 6 до 10 тыс. детей⁴².

В 1980 г. алжирцы составляли 21 % от 3,7 млн. иммигрантов, живущих во Франции, что ставило их на второе место после португальцев (22 %). В стране насчитывалось также 8 % марокканцев и 4 % тунисцев. Всего иностранцы составляли 7 % населения Франции⁴³.

В 1983 г., по данным Национального института статистики и экономических исследований (INSEE), при общей численности иммигрантов в 4,5 млн. чел. алжирцы составляли 777 тыс. (17 %), марокканцы – 519,4 тыс. (11,5 %), тунисцы – 215 тыс. (4,7 %)⁴⁴.

В 1969 г. безработица оценивалась в 100 тыс., в 1976 г. – 1 млн., в 1981 г. – 2 млн. чел. Кризис занятости во Франции в 1980-е гг. породил изменения в структуре иммиграции, вызвал дальнейший рост безработицы. Если в 1982 г. в целом по стране она составляла 9 %, то среди иммигрантов – 12 %. Если в 1975 г. иностранные рабочие составляли 7,5 % занятого населения, то в 1982 г. – 6,2 %. Чуть более половины сокращённых мест пришлось на магрибинцев (около 105 тыс. чел.)⁴⁵. К середине 1980-х гг. возникла многочисленная армия местных безработных, включая молодёжь, впервые выходящую на рынок труда, согласных почти на любую работу. Стране пришлось содержать 300 тыс. безработных иностранцев с их семьями, выплачивать им пособия системы социального обеспечения, оплачивать их общее и специальное обучение, жильё и т. п.

Иммигранты, как правило, заняты в кризисных отраслях, поэтому иностранная рабочая сила вытесняется в первую очередь именно оттуда. Пострадали, прежде всего, горняки, строители, металлурги, химики, стекольщики. Заметно уменьшилось число магрибинцев в автомобильной промышленности: на заводах Рено, Ситроен, Пежо. Кроме того, иммигранты оказались сконцентрированы в районах, наиболее охваченных экономическим кризисом: Иль-де-Франс, Рона-Альпы, Эльзас, Прованс-Лазурный берег, Франш Конте, Лангедок-Русильон. Три первых района сосредоточили почти 60 % иностранных безработных. Однако именно магрибинцы получили в этот период 42 тыс. мест из 49 тыс. Кроме того, 100 тыс. мест было создано в сфере услуг⁴⁶.

Во время кризиса сильно возросла конкуренция среди различных групп иммигрантов, между выходцами из стран Магриба и выходцами из других районов Африки, что объясняется тем, что эти группы занимали одну и ту же нишу на рынке рабочей силы. Действительно, кризисы в экономике приводили к сокращениям в первую очередь неквалифицированных работников, что усиливало борьбу за рабочие места⁴⁷.

В 1975 г. североафриканцы составляли свыше 54 % всех занятых иностранцев, в 1982 г. – 50,5 % (соответственно, алжирцы – 35 и 31 %, марокканцы – 11,5 и 12,6 %, тунисцы – 7,6 и 6,8 %). Увеличение числа найма марокканцев было вызвано не только антиалжирскими настроениями. Французская администрация в ущерб алжирцам расширяла число контрактов при найме рабочей силы в Марокко, как более дешёвой и менее притязательной. Тунисцы же привлекали качеством рабочей силы. Алжирская иммиграция стала приобретать всё более ротационный характер. Об интенсивности миграционного обмена говорят такие факты, что за 1975–1985 гг. миграционный оборот составил более 24 млн. чел., т. е. превысил численность населения Алжира.

В таких условиях заметно выросла квалификация рабочих-иммигрантов: в 1977–1981 гг. среди иммигрантов из стран Магриба лишь половину составляли чернорабочие, более одной трети – обученные рабочие. Однако только 50 тыс. было по-настоящему квалифицированными рабочими. Лучший уровень квалификационной подготовки был у тунисцев, худший – у марокканцев⁴⁸.

С начала 1980-х гг. развернулся новый этап в области занятости в рамках неоконсервативного поворота, характеризующегося перенесением акцентов на повышение прибыльности и конкурентоспособности производства под лозунгом «Больше рынка рынку труда». В этих условиях мероприятия в отношении нелегальных иммигрантов, проводимые с августа 1981 г., позволили легализоваться ранее прибывшим и имевшим постоянное место работы. Однако одновременно были выявлены широкие возможности мошенничества в сфере нелегальной иммиграции и занятости. Побочными результатами осуществления этих мер явились:

- потеря работы иностранными рабочими, прибывшими после 1980 г.;
- увеличение нелегального притока членов семей иностранных рабочих с годовичным разрешением на пребывание в стране, не позволяющее семьям легально обосноваться в стране;
- рост длительной безработицы среди нелегальных иммигрантов, опасющихся высылки из страны;
- возвращение во Францию иностранных рабочих, в момент начала кампании находившихся за границей⁴⁹.

В октябре 1981 г. было принято три закона, направленных на обеспечение правового равенства иммигрантов с основным населением Франции в области занятости, образования и культуры, в обеспечении жильём. В 1982–1983 гг. были приняты законы о децентрализации, передавшие заботу о повседневных нуждах иммигрантов местным органам власти, которые, однако, не были обеспечены необходимыми средствами. Кроме того, эти законы не отменили различные ограничения и носили больше пропагандистский характер.

Принятые в августе 1983 г. решения многое изменили в иммиграционной политике:

- были одобрены новые меры по борьбе с нелегальной иммиграцией;
- приняты решения, регулирующие отношения в области занятости;
- разработан комплексный план действий по интеграции иммигрантов и их

детей в социальную жизнь страны, тем более что численность иммигрантской общины росла, в основном, за счёт детей, родившихся во Франции;

- были наложены ограничения на использование работодателями временной рабочей силы⁵⁰.

В 1984 г. был издан новый закон, уточнявший некоторые аспекты пребывания иностранцев во Франции. В его рамках начал осуществляться курс на либерализацию правил найма и увольнения, повышение гибкости рабочей силы, включая функционирование и организацию её деятельности. Важное значение в регулировании занятости придавалось мерам, ограничивающим предложение рабочей силы путём поощрения частичной и временной занятости, досрочного ухода на пенсию. Предусматривалось сокращение или перекрытие притока иностранной рабочей силы, содействие её регистрации и т. п.

В октябре 1984 г. снова был одобрен ряд мер по борьбе с нелегальной занятостью: стала возможной высылка иммигрантов за пределы Франции; ужесточён контроль за работодателями и нанятыми ими иностранными рабочими (особенно строгий контроль был установлен за выходцами из стран Северной Африки); одновременно были приняты правила, определявшие приезд во Францию членов семей иммигрантов (для получения разрешения стало необходимым наличие у последних доходов, обеспечивающих содержание семьи, удовлетворительных жилищных условий); мог быть запрещён въезд лицам, представляющим угрозу общественному порядку и здоровью людей, даже если они являются членами семей иммигрантов; внесены изменения в порядок предоставления политического убежища⁵¹.

Новые меры государства принимались в условиях ухудшавшегося социального климата, подъёма национализма и расизма, что снижало их эффективность. Поэтому они не были до конца последовательными, учитывали конъюнктурные соображения, вызванные внутренним и международным положением. В частности, не было обеспечено реальное равенство иммигрантов на рынке труда, не была решена проблема двойного гражданства и связанный с ней вопрос о призыве в армию и т. п.

1983 г. был отмечен ростом агрессивных выступлений против иммигрантов. Присутствие иммигрантов рассматривалось как угроза занятости французов. В этих условиях на защиту иммигрантов встали левые профсоюзы и католическая церковь. Сами же иммигранты, в т. ч. и североафриканцы пытались укрепить связи между своими землячествами и ассоциациями. Они участвовали в митингах Всеобщей конфедерации труда, профсоюзного центра, который объединял большинство иммигрантов. Иммиграционная политика стала важным элементом в жизни французского общества, в большинстве своём настроенном против присутствия иностранцев. Поэтому в 1988 г. на парламентских выборах, когда победил Франсуа Миттеран, лидер правого Национального фронта Ле Пен набрал 14,38 % голосов избирателей, в основном за счёт провинций с высокой концентрацией иммигрантов (особенно в городах Марсель, Ницца, Лион)⁵².

В 1990-е гг. постепенное решение проблем иностранных рабочих было связано с введением и использованием законов ЕС о статусе иммигрантов и их семей, при-

ведение французского законодательства в соответствие с законодательством ЕС в условиях Объединённой Европы. В этот период уменьшился рост занятости в промышленности и строительстве, замедлился в сфере услуг. Увеличилась средняя продолжительность безработицы (до трёх лет). Всё более распространёнными стали непостоянные формы занятости, а сроки найма – более короткими. Если в 1996 г. за счёт нетипичной и непостоянной работы в большинстве регионов Франции занятость выросла, то в Лимузене, Верхней Нормандии и Иль-де-Франсе она несколько уменьшилась, что сказалось на положении иммигрантов.

Растущая в начале 1990-х гг. в странах Европы безработица вынуждала правительства ещё больше ужесточать иммиграционные законы. Поводом для этого явились Шенгенские соглашения. Свобода передвижения в пределах Европы с 1992 г. (равно как и передвижение товаров) оправдывало ужесточение контроля на внешних границах. В частности, Франция в первую очередь привлекала высококвалифицированные кадры – специалистов по перспективным отраслям науки и производства, высших административных руководителей⁵³. Закон, подписанный Н. Саркози в самом конце апреля 2006 г., ещё более ужесточает эти меры⁵⁴. Новым поводом для ужесточения иммиграционных законов стал правый магрибинский экстремизм на волне исламизма.

Смягчить враждебное отношение к иммигрантам может только продуманная политика в области занятости, решение проблем безработицы, а также проведение общей демографической политики в странах единой Европы, в частности, стимулирование рождаемости.

В соответствии с Маастрихтским договором об эмиграции в страны ЕС, каждая из них имеет свою квоту. В то же время нормы ЕС предоставляют его участникам большую свободу в способах регулирования миграции. Франция в этих условиях поставила целью депортировать ежегодно по 20 тыс. африканцев. Одновременно высылают из страны, например, студентов-иностранцев, уличённых в том, что они работают не на полставки, как им разрешено, а на полной.

По данным Министерства внутренних дел, в 1990 г. во Франции проживало 4,2 млн. иммигрантов, что соответствовало 8 % населения. Одна треть всех иностранцев – выходцы из стран Магриба: 710 тыс. алжирцев, 575 тыс. марокканцев, 230 тыс. тунисцев⁵⁵. По данным переписи населения в 1990 г., во Франции насчитывалось 1 495 480 африканских иммигрантов, из них: 555 715 алжирцев (17 % от общего количества иммигрантов), 457 456 марокканцев (16 %), 207 127 тунисцев (6 %) и 275 182 (7 %) выходцев из других стран Африки⁵⁶. По сравнению с данными МВД эти цифры выглядят заниженными. Причин может быть две: во-первых, некоторые иммигранты уклонились от переписи, во-вторых, Министерство внутренних дел, возможно, включило в них различные категории иммигрантов, не входящих в официальную статистику:

- нелегальных эмигрантов;
- рабочих-фронталье, чей статус определен постановлением № 1408/71 Европейского Сообщества. (Термин «фронталье» обозначает любого рабочего, который работает на территории одного государства – члена ЕС, а живёт на территории

другого государства – члена ЕС, куда он возвращается каждый день или, по крайней мере, раз в неделю). Во Франции насчитывается примерно 20 тыс. таких работников (в основном бельгийцы и итальянцы)⁵⁷;

- сезонных рабочих, число которых во Франции сократилось с 145 тыс. в 1972 г. до 76,5 тыс. в 1988: (Иностранец может называться сезонным рабочим, если контракт не превышает 6 месяцев; большинство этих контрактов заключаются на 6 недель максимум.)⁵⁸;

- лиц, подавших ходатайство о предоставлении убежища. В 1985 г. их было 28 тыс., причём срок их пребывания в стране не определён: от двух до трёх лет, а иногда дольше. 60 % подавших прошения получают отказ, но остаются в стране, пополняя собой армию нелегалов⁵⁹.

Сравнивая эти цифры с данными 1931 г. (6,6 % иммигрантов), можно сделать вывод о том, что число иностранцев в конце 1970-х – начале 90-х гг. по отношению ко всему населению Франции примерно соответствовало результатам 1931 г.

В период 1975–1990 гг. число иммигрантов увеличилось лишь на 7 % против 31 % в 1968–1974 гг. Поэтому с полным основанием можно говорить о стабилизации числа иммигрантов в начале 1990-х гг., связанной с мерами, принятыми правительством и направленными на ограничение въезда новых иностранных рабочих⁶⁰.

Таблица 1

	1975 г.	1982 г.
Население, всего тыс.	52 599	54 295
Иностранцы, всего тыс.	3 442	3 514
%	6,54 %	6,47 %

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ ФРАНЦИИ

Тенденция к увеличению длительности пребывания иммигрантов и образование во Франции нового многонационального сообщества выдвинули проблему интеграции иммигрантов в общественно-экономическую структуру страны. Адаптация иммигрантов носит двусторонний характер: изменения происходят в социально-ценностной системе иммигрантов и в принимающем обществе.

В африканистике традиционно рассматривается ситуация, когда капитализм, проникая в страны Африки, приводит к разрушению или трансформации традиционных норм, привычного, освящённого многовековой памятью предков образа жизни, и нёс с собой европейскую культуру в самых разных её проявлениях. При изучении североафриканской иммиграции во Францию вырисовывается совершенно иная картина контактов между иммигрантами-магрибинцами и французами. Здесь уже выходцы из Африки приносят свою религию, характерные для них обычаи и нормы поведения, которые порой вызывают у европейцев откровенную неприязнь. В связи с ростом в странах Европы общей численности этнических меньшинств, в т. ч. и североафриканских, общественность этих стран начали всерьёз задумываться над вопросом собственной культурной самобытности. Это оказало влияние на все стороны общественной и культурной жизни региона. Актуальность проблемы не ставится под сомнение, ведь лицо Франции XXI-го в. будет во

многим определяться тем, какое место займут в ней представители народов, культурно отличающихся от европейцев. Всё это побуждает искать ответы на многочисленные вопросы, связанные с иммиграцией, и создавать возможности для того, чтобы контакты между населением принимающих стран и представителями этнических меньшинств были плодотворными. По мнению части исследователей, одним из условий успешного выхода из создавшейся ситуации могут стать изменения, происходящие внутри сообществ иммигрантов под влиянием принимающего общества и касающиеся, в первую очередь, их традиций, религии и образа жизни. Согласно этой позиции, если иммигранты фактически превратились в постоянный элемент структуры страны, то они обязаны следовать нормам и правилам принимающей стороны.

Однако полное единодушие в данном вопросе отсутствует. Наряду с идеей ассимиляции иммигрантов получила распространение иная концепция, которая обрела законченный вид в «политике многокультурности». Её суть заключается в предоставлении иммигрантам возможности жить согласно их собственным традициям. Эта идея воплощается в содействии иммигрантам в сохранении культурной и этнической самобытности, хотя в целом данная концепция трудно осуществима на практике.

До 1980-х гг. на правительственном уровне много говорили об интеграции и включении иммигрантов во французское общество. В этот период левые политики предпочитали употреблять термин «включение» («insertion»), тогда как правые, находившиеся в то время в оппозиции, предпочитали употреблять термин «ассимиляция» («assimilation») ⁶¹. Но в то же время и те, и другие упоминали о «социальной особенности ассимиляции» немцев, поляков и итальянцев. То есть практически речь шла об иммигрантах европейского происхождения, которые достаточно быстро вросли во французское общество, а их дети уже полностью ассимилировались.

Сегодня же политики делают акцент на «культурном разрыве», достаточно заметном в отношениях с выходцами из стран Магриба. Приходя к общим выводам, левые подчёркивают специфику их культуры и употребляют термин «включение», которое должно, по их мнению, постепенно происходить с иммигрантами, если находить компромиссы при взаимодействии двух культур. Правые же, наоборот, говорят о необходимости полного отказа иммигрантов из стран Магриба от своей традиционной культуры и их ассимиляции во французском обществе. Однако долгое время, находясь у власти, они тоже в своей политике подчёркивают «культурную разность» иммигрантов и принимающей страны ⁶².

Социологическое исследование выявило, что французов отличает некоторая «национальная избирательность» по отношению к неевропейским иммигрантам: 64 % опрошенных считали, что процесс ассимиляции не должен затрагивать североафриканцев, в то время как позиция в отношении к иммигрантам итальянского и испанского происхождения была более терпимая, процент противников межэтнического сближения был соответственно 9 % и 12 % ⁶³.

Официальные тексты законов не говорят конкретно ни об интеграции, ни об ассимиляции. Закон от 9 октября 1974 г., впервые обнародовавший принцип официальной политики по отношению к иммигрантам, подчёркивал, что Франция «стремится к тому, чтобы допустить либо повсеместную интеграцию на национальном уровне иностранных рабочих, которые сами этого желают, либо позволить им сохранить социально-культурные связи с родной страной, для того, чтобы впоследствии все желающие могли вернуться к себе на родину». В тексте этого закона лишь обозначилось логическое завершение всей предыдущей политики страны. Таким образом, интеграция рассматривалась как «помощь в приобретении французской национальности» и подчёркивала некий уровень разрыва с родной страной⁶⁴.

В начале 1988 г. социалисты уточнили, что сам термин «интеграция» не означает полного отказа от культуры своего народа, но «её трансформацию для наиболее безболезненного и результативного общения с культурой страны пребывания»⁶⁵. Это принятие во внимание законом 1988 г. «культуры другого народа» объясняет склонность политиков к термину «включение». Ранее как правые, так и левые считали понятия «ассимиляция», «интеграция» и «включение» синонимами. Иногда один термин выступал для определения другого.

Термин «ассимиляция» предполагает полное исчезновение группы этнического меньшинства. Она может быть насильственной, а может происходить и мирно, при постепенном усвоении этническими группами чуждой для них культуры. В случае с магрибинцами политика Франции была настроена на мирную, естественную ассимиляцию.

«Ассимилировать» кого-то означает приравнять другого к себе, приблизить его мысли, образ жизни, действия к тому, чем обладаешь сам. В этом случае речь идёт о положительном процессе, который принуждает иммигрантов перенимать черты другого общества. Но французское общество само не может решать за тех, кого предполагает ассимилировать. Ассимиляция – это процесс, в котором активно должны участвовать обе стороны – как французы, так и магрибинцы. В современном контексте европейского общества стоит прислушаться, в первую очередь, к тем, кого хотят ассимилировать. И речь идёт скорее не о юридической, а о социальной стороне этого процесса.

Во Франции существует мнение, что если магрибинцы хотят жить в этой стране, то им «необходимо быть такими как мы (французы), говорить, пить, есть, как мы». У некоторых французов есть своё, совершенно чёткое видение того «нового араба», который должен забыть свою культуру, свои традиции и стать таким, «как все». Именно такая точка зрения присутствует у правых, которые проповедуют теорию «полного включения» иммигрантов в общество при отказе от своей культуры.

С точки зрения правых, ассимиляция магрибинцев, как и обретение ими французского гражданства, есть безусловное счастье, ради которого возможно отречение от всего «другого». Это – некая идеальная ситуация, к которой должно стремиться и приближаться. Но и правые, и левые приходят к одному общему выводу: магрибинцы в силу своего менталитета, религии и культурных особенностей быть ассимилированными пока не могут. Большинство магрибинцев, иммигрировавших во Францию, не готовы к быстрой и полной ассимиляции.

Большую роль в этом играет ислам. Для мусульман, проживающих во Франции, ассимиляция – это своего рода угроза отказа от ислама⁶⁶. В менталитете мусульманина ислам – неотъемлемая часть не только культуры, но и социально-политической жизни. Поэтому, когда им предлагают принять всё то, что является частью французского общества и европейской цивилизации в целом – юридические законы, язык, культуру – то это ассоциируется и с отказом от ислама. В этой связи интересны данные социологического опроса, проведённого в 1991 г.: 71 % опрошенных французов полагали, что иммигранты должны предпринимать усилия по адаптации во французское общество, если у них нет возможности исповедовать свою религию в тех же условиях, что у себя на родине, а 22 % полагали, что необходимо уважать традиции и религиозные чувства иммигрантов и предоставлять им возможность (в разумных пределах) исповедовать свою веру⁶⁷.

Столкнувшись с новыми трудностями ассимиляции магрибинцев, Франция решила изменить курс своей политики, принимая во внимание особый менталитет североафриканцев, их психологические особенности, культуру и религиозные традиции. Отказавшись от ассимиляции, Франция перешла к попыткам интеграции.

Интеграция рассматривается не как нечто среднее между ассимиляцией и включением иммигрантов во французское общество, а как специфический процесс, способствующий активному участию всех его членов в общественной жизни, несмотря на наличие у них различных этнических, культурных, социальных, моральных, психологических особенностей.

До конца 1980-х гг. иммиграционная и интеграционная политика государства в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, ищущих убежище во Франции, существовали параллельно. И только в 1991 г. правительство начало проводить специальные реформы, направленные на создание «французской модели интеграции», когда были приняты соответствующие поправки и дополнения в законодательство страны.

Французская политическая модель интеграции основана на принципе обретения национальности, т. е. гражданства. Кодекс законов о гражданстве введён в действие 19 октября 1945 г. (с изменениями от 1973, 1984, 1993, 1998 гг.). Он основывается как на «праве почвы» (*jus soli*), по которому человек является французом на основании его рождения и проживания на территории Франции, даже если его родители являются иностранцами, так и на «праве крови» (*jus sanguinis*), в соответствии с которым человек является гражданином Франции вне зависимости от его места рождения и проживания, если его родители – французы. Приобрести же французское гражданство можно следующими способами⁶⁸:

- натурализация подразумевает предоставление гражданства лицам, достигшим совершеннолетия и прожившим во Франции не менее пяти лет;
- получение гражданства детьми, родившимся от иностранцев и проживавшими во Франции не менее пяти лет между 11 годами и возрастом совершеннолетия. Для получения этого права в период с 1993 г. (закон от 22 июля) по 1998 г. (закон от 16 марта) требовалось «личное волеизъявление»;

- получение гражданства на основе заявления, подаваемого после вступления в брак с французским гражданином или гражданкой, который должен длиться не менее четырёх лет;
- предоставление гражданства ребёнку, усыновленному гражданами Франции;
- предоставление гражданства по решению французских властей за заслуги перед страной.

Среди детей иммигрантов, живущих во Франции, каждый второй юноша и каждая четвёртая девушка живут в свободном союзе или в официальном браке с коренными француженкой или французом. Характерна в этом отношении и другая статистика: по опросам общественного мнения, 49 % французов не будут осуждать своих близких родственников – братьев, сестёр, детей – если они свяжут свою жизнь с мусульманином или мусульманкой. Анализ этого явления свидетельствует о том, что, во-первых, не всегда магрибинские семьи одобряют и поощряют выбор девушек-североафриканок. Во-вторых, не всегда французские семьи охотно принимают в свою среду выходцев из иммигрантов (37 % опрошенных семей). И, в-третьих, даже если смешанный союз оказывается удачным с точки зрения свободного выбора супругов и юридического заключения брака (французу проще зарегистрировать брак с девушкой любого происхождения, чем иммигранту с француженкой – часто власти подозревают фиктивность таких союзов), то в дальнейшем возникает немало сложностей. Обнаруживается, например, конфликт конфессий, традиций и обычаев, необходимость соблюдения разного рода условностей в отношении своих семей и родственников, особенно при рождении детей от смешанного брака.

Ещё одна проблема, с которой пытаются разобраться в настоящее время все европейские правительства – фиктивные браки, заключённые ради въезда в страну или легализации в ней. Согласно новому закону от 2006 г., только через три года после женитьбы с гражданином Франции, можно просить вид на жительство. Это даст право получить французское гражданство через 4 года. В 1980-е гг. иностранные граждане, вступившие в брак с французами, могли получить гражданство после 6 месяцев совместной жизни, затем этот срок был увеличен до двух лет.

Таблица 2

Натурализация выходцев из стран Магриба⁶⁹

Годы	Всего иностранцев в год	в том числе			Всего североафриканцев	
		алжирцы	марокканцы	тунисцы	чел. в год	%
1974	24 028	557	1054	1673	3284	13,7
1977	32 906	921	1478	1620	4019	12,2
1981	34 400	2499	1889	1340	5728	16,7
1984	15 234	1268	858	531	2657	17,4
Итого	305 749	13 878	14 428	13 862	42 077	13,8

Таким образом, в течение 10 лет более 4,2 тыс. североафриканцев натурализовалось, особенно интенсивно этот процесс шёл в начале 1980-х гг. Наибольшую активность в получении французского гражданства проявляют марокканцы и тунисцы. В последующие годы наблюдалась та же тенденция (см. табл. 3).

Таблица 3

Принятие французского гражданства⁷⁰

	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
Всего африканцев	5599	7112	9503	12431	14327
Из них:					
алжирцев	2038	2619	3647	4440	5196
марокканцев	1634	2230	3220	4577	5529
тунисцев	715	950	1117	1593	1674

Всего за 1988–1992 гг. французское гражданство получили 48 972 африканца, что значительно превосходит показатели предыдущего десятилетия.

Во французском праве, в соответствии с демократическими традициями, не существует положений, дискриминирующих иностранцев по сравнению с гражданами Франции. Иностранцы пользуются такими же гражданскими, социальными и экономическими правами, как и остальные граждане страны. Но политические права закреплены только за гражданами Франции. Например, положения и меры по борьбе с безработицей или по профессиональному трудоустройству не рассматривают иммигрантов как особую часть населения, но могут иметь к ним касательство как к лицам, поставленным в неблагоприятные условия, наряду с хроническими безработными, родителями-одиночками, инвалидами или молодыми людьми без квалификации.

Для интеграции имеют значение такие факторы, как возможности доступа иностранцев на рынки труда, степень их профессиональной мобильности, знание языка страны пребывания, возраст, образование, общий уровень развития, влияние средств массовой информации, планы на будущее, тип общественных связей, в которые вступают иностранцы в принимающей стране, отношение местного населения.

Возраст иммигрантов – один из важных факторов адаптации. Дети легче обучаются новому языку и быстрее привыкают к новым условиям, во многом благодаря обучению в дошкольных учреждениях и в школах страны пребывания. Однако те, кто начинает овладевать языком в старшем возрасте, как правило, испытывают трудности.

Интеграция детей и подростков североафриканских иммигрантов является одной из первоочередных задач в связи с тем, что основная часть этой категории иностранцев в скором времени должна будет выйти в общественную жизнь Франции, пополнить рынки труда.

При изучении проблем североафриканской молодёжи (второе поколение иммигрантов из Магриба во Франции называют термином «бёры») Е.Б. Деменцева ука-

зывает на то, что эта молодёжь обладает признаками «двойственной культуры». С одной стороны, – это культура, унаследованная от родителей, а с другой, – западная, окружающая молодых людей на протяжении всей жизни⁷¹.

Первое представление о мире складывается в семье, которая прививает детям правила поведения, по которым живут родители и другие магрибинские иммигрантские семьи, и те традиции, в которых воспитывались деды. За годы проживания во Франции старшее поколение, как правило, не меняло образ жизни, свойственный ему ещё на родине. Поэтому кажется вполне закономерным, что дети продолжают традиции своего народа. Однако, живя во Франции в окружении «чужого» мира, магрибинские семьи испытывают значительные трудности для сохранения в чистом виде своей традиционной семьи, со свойственными ей устоями, обычаями и ритуалами. Поэтому в семьях иммигрантов из стран Магриба образуется некая субкультура, которая представляет собой сплав традиций Востока и европейской французской культуры.

С малых лет дети понимают, что мир как бы разделён для них на две части. И происходит это, прежде всего, на лингвистическом уровне – дома они говорят по-арабски, тогда как в детских садах, школах и на улицах своего пригорода и тем более города французский язык становится для них основным языком общения. Французский для них представляется более динамичным, современным, в нём существуют речевые обороты и слова, которые трудно перевести на арабский. Французский становится языком, который позволяет им свободно общаться на всех уровнях: в играх, в школе, в кино, на дискотеках и т. п. Поэтому со временем дети лишь понимают родной язык, но уже не говорят на нём. Более того, у ребёнка формируется представление, что родной язык – это язык нищеты и иммигрантских кварталов. Французский же становится не только языком друзей, учёбы и игр, но и символом благополучия и доминирующего социального устройства.

Ребёнок, посещая школу, учится французскому как языку выражения своих мыслей, но при этом он ещё примешивает слова и обороты из арабского языка. Достаточно часто окончившие школу молодые иммигранты приветствуют друг друга по-арабски, а затем продолжают разговор по-французски⁷².

Не все иммигрантские семьи одинаковы, и воспитание в них различно. Некоторые достаточно быстро адаптируются, живут, не противопоставляя своих детей тому обществу, в котором те родились, и приветствуют внедрение своих детей в общество страны пребывания, одобряя их стремление обладать той же культурой, что и их ровесники-французы.

Другие же семьи всячески пытаются оградить своих детей от влияния западной культуры и навязывают им традиционную культуру, прививая духовные ценности родины предков. Их дети получают довольно замкнутое воспитание в стенах собственного дома и зачастую страдают от этой изоляции.

Однако большинство иммигрантских семей воспитывает детей, принимая модель, которая представляет собой нечто среднее между двумя предыдущими: с одной стороны, они открыты для общества, в котором предстоит жить их детям, но, в то же время, соблюдают некоторую дистанцию по отношению к нему, пытаясь сохранять традиционные ценности.

В отношении девушек-магрибинок во Франции есть своя особая политика. Французское общество призывает их «освободиться» от притесняющей их традиционной культуры, которая не обеспечивает возможностей выбора. Ещё в период колонизации стран Магриба европейцы ставили одной из своих задач «защитить» арабских женщин от мужей-угнетателей. Современная задача во многом схожа с той идеологией. Как и тогда, сегодняшний призыв французов к эмансипации, адресованный дочерям североафриканских иммигрантов, также уходит от анализа причин положения женщин в традиционной семье и насыщен отрицательными стереотипами («отец-ретроград», «угнетённая мать», «властный брат», «порабощённая сестра»).

Механизм полного отрицания собственной культуры ради западной ставит под сомнение идею эмансипации. Девушки попадают в ловушку, где, с одной стороны, идёт насаждение западных ценностей, а с другой – родная семья всё ещё остаётся опорой и единственно надёжной социальной структурой. Но для девушек, родившихся во Франции, завет предков о тех нормах традиционного поведения, которые всецело связаны с подчинением только воле мужчины, уже не возможен из-за того, что помимо семьи они живут в европейском государстве, где обязательно образование, где законы и нормы поведения существенно отличаются от «законов предков».

Как считают некоторые исследователи, чтобы рассеять сомнения, закрадывающиеся в души молодых представителей иммиграции, необходимо отойти от пути насильственного навязывания другой культуры и отрицания их собственной и совместно осуществлять поиск альтернативных путей интеграции во французское общество⁷³.

Но пока иностранная молодёжь продолжает оставаться здесь чужеродным элементом. Потеряв связь с родной страной, она фактически так и не пустила корни в новом обществе и теперь чувствует себя «чужой» и в стране пребывания и в родной стране. По опросам общественного мнения, 54 % французов относятся ко второму поколению североафриканских иммигрантов (бёрам) с явной антипатией (для сравнения: об отрицательном отношении к гомосексуалистам заявляют – 49 %, к магрибинцам – 47 %)⁷⁴.

Для упрощения интеграции иностранцев имеет значение расширение доступа к системе образования различного уровня, которое является необходимым условием возможности последующего профессионального роста иммигранта. Однако на сегодняшний день в этой области остаётся много проблем. Далеко не все дети иностранцев посещают дошкольные учреждения, в частности, детские сады. В то же время именно в детских садах дети овладевают разговорным языком, там расширяются их контакты с детьми разных национальностей, одновременно устанавливаются контакты и между родителями. В силу национальных традиций и низкого дохода семей дети североафриканцев в своём большинстве воспитываются дома.

Несмотря на то, что властями придаётся большое значение организации совместных детских садов для детей иммигрантов и местного населения, в последние

годы больший упор делается на поддержание на должном уровне родного языка у иностранцев. Тем самым, власти надеются, что определённое число иммигрантов вернётся на родину.

Система школьного образования также сталкивается с трудностями. Так, остаётся ограниченным число специальных школ с преподаванием на национальных языках. Несмотря на то, что школьное образование считается обязательным для всех детей, включая иностранных, значительное число последних не посещает школу. Не менее острой является проблема низкого уровня знаний детей североафриканцев. Например, 80 % детей иммигрантов во Франции хотя бы в одном классе остаётся на второй год⁷⁵. Тем не менее, это не означает, что среди них нет способных и талантливых детей. В этом плане интересно свидетельство французского исследователя Ф. Броделя, опубликованное в его монографии «Что такое Франция? Люди и вещи»: «Молодая алжирка, француженка во втором поколении, студентка, говорит по радио о том, как ей грустно, как ей тяжело живётся. Она так безупречно чисто, так красиво говорит по-французски (всё-таки у французской школы есть достоинства!), что у меня, как ни странно, вдруг возникает радостное чувство, что хотя бы для этой девушки удача не за горами»⁷⁶.

Но молодёжь из иммигрантских семей имеет меньше шансов пройти «нормальный» курс подготовки (колледж – лицей общего профиля – вуз). Французские же семьи, принадлежащие к среднему классу, прибегают ко всякого рода ухищрениям, чтобы не отдавать своих детей в школы с высоким процентом детей иммигрантов. Поэтому французские школы подразделяются на заведения, формирующие либо элитные группы и профессии, либо на непрестижные, и в тех и в других наблюдается социальная или этническая однородность.

Что касается профессионального образования иностранной молодёжи, то нередким явлением стало нежелание иммигрантов получать квалификацию или специальность. С одной стороны, это связано с их стремлением быстрее начать зарабатывать, а с другой – с неуверенностью в получении на родине работы по специальности. Недавние исследования показали, что если эта категория населения и проходит обучение, то подавляющее их большинство готовят для физической работы (около 85 % во Франции)⁷⁷.

Важное место в вопросе интеграции и адаптации североафриканцев занимает вопрос стабильной занятости. Пока что иммигранты остаются уязвимой категорией трудящихся в плане получения работы из-за языкового барьера, низкого уровня образования и профессиональной подготовки. В связи с этим безработица среди иностранцев остаётся стабильно высокой.

С 1982 г. Национальный институт статистики и экономических исследований (INSEE) занимается изучением проблемы занятости иностранцев по отраслям экономики Франции. Так, по данным переписи населения 1999 г., иностранные рабочие составляли около 6 % активного населения Франции. Для их размещения характерна чётко выраженная концентрация в трёх районах Франции: Парижском (Иль-де-Франс), Роны и Альпы (с центром в Лионе) и Провансе–Лазурном берегу (Марсель). По данным переписей, здесь оседает от 60 до 75 % североафриканцев⁷⁸.

В подавляющем большинстве иммигранты заняты на непрестижной и низкооплачиваемой работе, которую в девяти случаях из десяти не хотят выполнять французы. Распределение иностранных рабочих по профессиональным категориям и их занятость по отраслям промышленности см в табл. 4⁷⁹.

Важными сферами применения труда иммигрантов выступают строительство (20 %) и отрасли промышленности преимущественно с применением поточно-конвейерного производства (29 %). Широкое использование иностранной рабочей силы в строительстве определяется худшими условиями оплаты труда – часовые ставки заработной платы здесь примерно на 10 % ниже, чем в других отраслях. Около половины всего количества иммигрантов занято в сфере обслуживания и торговле. Некоторые секторы сферы обслуживания не могли бы вообще функционировать без иностранных рабочих, как, например, Служба уборки мусора и ассенизации. Из 150 тыс. рабочих, занятых в этой службе, около 70 % составляют иммигранты. Более того, почти все дворники службы уборки парижского метро – иностранцы (98 % рабочих)⁸⁰.

Таблица 4

Профессиональные категории	%
Рабочие	57,0
Служащие	21,0
Руководящий состав	5,6
Другие	16,4
Занятость по отраслям	%
Сельское хозяйство	2,2
Промышленность	29,0
Гражданское строительство	20,0
Сфера обслуживания, торговля	48,8

Вне промышленности, иммигранты работают сельскохозяйственными рабочими и служащими. Ничтожна прослойка лиц, имеющих высшую квалификацию. Французские исследователи указывают на различия в квалификационном уровне между представителями разных стран Африки. Лучшим уровнем профессиональной подготовки обладают тунисцы, худшим – марокканцы. Например, на заводах «Рено» среди служащих, техников и мастеров тунисцы составляют 5 %, алжирцы 3 %, марокканцы – 1 %. Там же квалифицированными рабочими были 29,4 % тунисцев, 22,4 % алжирцев и только 15 % марокканцев.

Рабочие-магрибинцы, занятые тяжёлым физическим трудом, оказываются объектом жесточайшей эксплуатации. Материалы исследования условий труда строительных рабочих в трёх департаментах Франции показали, что наибольшей дискриминации в оплате подвергались подготовленные, квалифицированные кадры алжирских строителей: разница в оплате между ними и французами была значительна⁸¹. Ущемление прав иностранных рабочих касается также получения премий, различных страховок по медицинскому и социальному обеспечению⁸². Алжирцы в среднем в два раза чаще французов становятся жертвами профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве⁸³. Тяжёлые условия труда и быта неблагоприятно сказываются не только на физическом, но и на душевном состоянии рабочих.

В силу худшей профессиональной подготовки выходцы из Северной Африки оказываются первыми кандидатами в армию безработных. Так, с 1974 по 1981 гг. в строительстве Франции сократилось 194 762 рабочих места, из них 149 374 или 76,7 % были заняты иммигрантами, в т. ч. 53 271 или 21,3 % алжирцами⁸⁴. О неза-

щищённости алжирских рабочих перед безработицей во Франции красноречиво свидетельствуют данные Министерства труда и солидарности.

Не менее трети иностранцев, ищущих работу во Франции, приходилось на алжирцев. Абсолютное число безработных среди них за десять лет увеличилось примерно в 10 раз (см. табл. 5).

Таблица 5

Численность алжирцев среди безработных

Годы	Алжирцы, ищущие работу (чел.)	Доля алжирцев среди безработных иностранцев (%)	Доля иностранцев среди безработных (%)
1970	8 001	30,3	7,5
1971	12 003	38,8	9,1
1972	12 377	37,3	8,6
1973	11 694	34,6	8,1
1974	22 881	33,8	9,3
1975	35 642	34,7	10,5
1976	31 769	33,2	9,2
1977	40 599	35,1	10,1
1978	46 501	34,9	10,0
1979	46 697	34,2	9,2
1980	53 302	32,5	10,0
1981	71 024	32,1	11,0

В 1986 г. доля безработных французов и иностранцев в населении распределялась по территории Франции следующим образом (%) (см. табл. 6)⁸⁵:

Таблица 6

Районы	Французы	Иностранцы в целом	Магрибинцы
Парижский	7,0	11,0	14,0
От-де-Сен, Сен-Сан-Дени, Валь-де-Марн	7,5	12,5	13,0
Рон, Луар, Изер (Лион)	8,8	16,0	22,0
Буш-дю-Рон (Марсель)	13,0	26,0	40,0
Лоррэн (юго-восток страны)	8,5	12,0	14,0

Наибольшее количество безработных североафриканцев, как и французов, приходилось на районы Марселя и Лиона, что объясняется размерами этих промышленных агломераций.

Через десятилетие, в марте 1996 г., средний уровень безработицы достиг 11,3 % среди французов и 24 % среди иностранцев. У выходцев из стран Магриба, Чёрной Африки и Турции он поднялся до 32 %, причём среди женщин этой группы безработица составила 38 %, 90 тыс. молодых рабочих до 25 лет также были безработными. Иными словами, каждый второй был в поисках рабочего места⁸⁶.

Нестабильная занятость ведёт к повышению территориальной подвижности североафриканцев: примерно треть тунисцев меняет своё местожительство, в основном мигрируя в крупные агломерации, где имеется больше возможностей трудоустройства.

Одной из трудных для интеграции категорий иммигрантов являются женщины-иностранки. Получение разрешений на проживание и занятие трудовой деятельностью для приезжающих в страну в рамках политики воссоединения семей женщин-иностранок находится в зависимости от длительности пребывания их мужей и от положения на рынке труда. Во Франции лишь в 1981 г. была несколько упрощена выдача документов, разрешающих иностранным женщинам не только находиться в стране, но и работать. До этого времени им преимущественно отказывали в праве на занятость. Фактически женщины-иностранки могут претендовать на неквалифицированные виды работ. Они находят рабочие места в основном в отраслях с низкой конкуренцией – в текстильной промышленности, сфере услуг. Много иностранных женщин занято также в сфере медицинского обслуживания. Они получают за свой труд меньше по сравнению с работниками из числа основного населения. Наиболее трудными для интеграции представляются неработающие женщины. Они живут особенно изолированно, часто вообще не знают французского языка.

Вопрос жилья является одним из самых сложных для иностранцев. Как французские, так и российские отечественные исследователи свидетельствуют о том, что североафриканские эмигранты живут в несравнимо худших условиях, чем коренные французы и чем эмигранты более ранних миграционных волн – итальянцы, испанцы, поляки⁸⁷. В 1960-е гг. рабочие-иммигранты из стран Магриба проживали в т. н. бидонвиях, не отвечающем санитарным нормам жилье в пригородах больших городов, иными словами, в трущобах. Так, в 1967 г. 10 тыс. иностранцев проживало в бидонвиле Нантера, 15 тыс. – у города Шампиньи. Проблема бидонвелей была решена в 1970-е гг. строительством многоэтажного муниципального жилья (HLM – «квартиры за умеренную плату»), в котором сосредоточено в настоящее время 44 % магрибинцев⁸⁸. Североафриканцы живут также в домах, принадлежащих тем предприятиям, где они работают, в общежитиях и в дешёвых гостиницах. Фондом социального действия в отношении рабочих-иммигрантов и их семей в 1988 г. на строительство жилья HLM было выделено 524 млн. франков⁸⁹. Более половины таких квартир занимают тунисцы и алжирцы, что объясняется их более высокой «ценностью» для французской экономики: они более образованы, квалифицированы, и они чаще имеют семьи. Наоборот, марокканцы и выходцы из Чёрной Африки, плохо образованные и не имеющие квалификации, неженатые, ютятся в общежитиях и дешёвых гостиницах. Нелегальные иммигранты пополняют собою армию людей без определённого места жительства и, соответственно, городские трущобы. В крупных городах с высокой концентрацией иностранного населения образуются кварталы, заселённые этническими меньшинствами, как, например, район Парижа Сен-Дени, где выходцы из Северной Африки составляют более 23 % населения. Вместе с тем кварталы, где иммигранты составляют более 50 % населения, достаточно редки.

Созданный ещё в декабре 1958 г. Фонд социального действия в отношении рабочих иммигрантов и их семей (Fonds d'Action Sociale pour les Travailleurs Immigrés et leurs Familles) ставит своей задачей способствовать социальной интеграции иммигрантов-мусульман. Поначалу он занимался преимущественно вопросами алжирской рабочей иммиграции. Первым мероприятием Фонда социального действия (ФДС) стала дополнительная финансовая помощь алжирским рабочим (в это время шла война в Алжире). Через два года после окончания войны декретом от 24 апреля 1964 г. компетенция ФДС была значительно расширена, фонд стал заниматься не только помощью мусульманским эмигрантам, но и всем остальным иностранным рабочим. По декрету от 14 сентября 1966 г. деятельность ФДС распространилась и на иностранцев, приехавших на временную работу, а также на другие социальные группы – выходцев из заморских территорий⁹⁰. В 1983 г. была проведена последняя реформа фонда. Декретом от 18 января утверждались следующие положения:

- компетенция Фонда распространялась только на иммигрантов;
- в Распорядительный совет вошли представители общин иммигрантов;
- в рамках Фонда были созданы региональные комиссии по адаптации иммигрантов¹⁴⁷.

Основными сферами деятельности Фонда социального действия в наши дни являются:

- приём иностранцев, проходящих преимущественно через Бюро по международной миграции (ОМІ);
- социальная помощь различным группам населения. (В частности, женщинам и молодёжи оказывается содействие в поиске работы.);
- помощь в адаптации и поддержании культурных связей иностранных общин с родными странами;
- просветительская деятельность: языковая адаптация и обучение грамоте, новым профессиям, специальностям;
- помощь в реадаптации уезжающих в родные страны иммигрантов, которая заключается в поддержке Фондом экономических проектов и образовательных программ в этих странах;
- выделение средств на размещение иммигрантов, на строительство жилья для них и резервирование квартир для их семей.

В 1986 г. программа Фонда предусматривала помощь в размере 1 млрд. 159 млн. франков, из которых 48 % направлялось на строительство жилья, а 52 % – в социо-

Таблица 7

Жилье	524,0
Образование	323,3
Социальная сфера	159,4
Культура	111,0
Прием и информация	49,5
Рееадаптация в родных странах	40,0
Другое	14,8

культурную сферу. В 1987 г. эта сумма увеличилась до 1 млрд. 193 млн. франков и распределилась следующим образом: на жильё для иммигрантов – 43 % всех средств, в социокультурную сферу – 57 %⁹¹. Финансовая помощь 1988 г. составила 1 млрд. 222 млн. франков, которые распределились следующим образом (в млн. франков)⁹² (см. табл. 7).

Таким образом, данные периода 1986–88 гг. показывают, что ассигнования, на-

правленные на помощь иностранным рабочим и их семьям через Фонд социального действия, неуклонно росли, причём средства, выделяемые на социокультурную сферу, увеличивались за счёт средств жилищного фонда. В 1990 г. через Фонд иммигрантам была оказана помощь в размере 1 млрд. 284 млн. франков, которые были распределены следующим образом (в млн. франков)⁹³ (см. табл. 8).

Таблица 8

97 % финансовых средств поступают в Фонд социального действия из Национальной кассы пособий многодетным семьям (Caisse National des Allocations Familiales) и Центральной кассы пособий многодетным семьям сельскохозяйственного общества взаимопомощи (Caisse Centrale des Allocations Familiales de la Mutualité)⁹⁴.

На обучение грамоте	118
На специальное образование	226
На культуру	130
На образовательные программы	174
На прием иностранцев	52
На социальное развитие кварталов, где живут иммигранты	30

Большая роль в приобщении к социально-экономической жизни принимающей стороны принадлежит средствам массовой информации. Этнические газеты всегда играли большую роль в общении иммигрантов между собой, и в настоящее время такую же роль играет этническое радио и телевидение. Во Франции выходят такие периодические издания как, например, «Новости эмиграции» на французском языке («L'Actualité de l'émigration»), орган Ассоциации алжирцев в Европе, связанной с алжирской партией «Фронт национального освобождения», ежемесячный журнал «Arabies» также на французском языке, имеющий целью «культурную пропаганду в арабо-исламском духе», культурно-просветительский журнал «Etudes orientales» на французском и арабском, журналы «Файруз» и «Ал-Форсан» на арабском. С 1981 г. под эгидой Движения против расизма и за дружбу народов (MRAP) выходит также ежемесячник «Différences» («Различия»), стремящийся «показать многообразие и богатство культур мира».

В структуру Radio France International (RFI) входит радиостанция Medi I (Radio Méditerranée Internationale), вещающая на арабском и французском языках на страны Магриба. Аудиторию радиостанции «Beur FM» составляет преимущественно молодёжь второго поколения североафриканских иммигрантов.

Газеты, радио, телевидение облегчают адаптацию иммигрантов. Для многих из них самым важным средством социальной коммуникации служит телевидение. Однако в силу плюралистического характера средств массовой информации Франции они не обязательно способствуют быстрой лингвистической или культурной интеграции.

Одновременно с политикой интеграции французские власти проводят политику сохранения связей магрибинцев с родиной для возможного их возвращения. Одним из элементов такой политики является поддержание лингвистических и культурных связей иммигрантов с родными странами. С этой целью организуется радиовещание и доставка газет и журналов на родных языках, запись видеокассет с кинофильмами и национальными программами.

В число мер, направленных на упрощение социальной и политической интеграции, входят облегчение процедуры натурализации, признание страной-им-

портёром двойного гражданства, разрешение давно проживающим, но не принявшим гражданства иммигрантам участвовать в выборах на местном уровне, предоставление гражданства второму и третьему поколениям иммигрантов, родившихся во Франции.

ПРЕПЯТСТВИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ И СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ДРУГ ДРУГА

Одной из задач обеспечения интеграции иммигрантов является необходимость принятия мер для подавления дискриминации, расизма и ксенофобии со стороны коренных жителей. Дискриминация иммигрантов наблюдается в первую очередь при приёме на работу. И если откровенно дискриминационные предложения о найме преследуются в уголовном порядке, то существует целый ряд более тонких способов отказа, не подпадающих под действие закона.

В контактах между североафриканцами и французами вопросы расизма и ксенофобии всегда имели особое звучание. Если для европейских иммигрантов в процессе адаптации основное значение имело преодоление определённых культурных черт и языкового барьера, то для магрибинцев на первом месте были непреодолимые различия во внешнем облике: и действительно, арабы представляют собой особый антропологический тип, что выдаёт в них приезжих. Даже изучив язык, надев европейскую одежду и освоив правила поведения, североафриканцы продолжали оставаться носителями чуждых культурно-бытовых традиций и социальных ценностей. В связи с этим тема расовых и межэтнических отношений всегда привлекала внимание исследователей, занимавшихся вопросами положения иммигрантов в европейских государствах. Однако нужно отметить, что иногда она приобретала определенное конъюнктурное звучание.

Расовые конфликты происходили во всех сферах жизни и деятельности и выражались в различных формах. Наиболее явными были случаи прямого физического воздействия, избиения «цветных», хулиганские действия, направленные против иммигрантов и членов их семей. Иногда такие нападения заканчивались трагедиями – тяжёлыми увечьями или гибелью иммигрантов. В 1995 г. было зарегистрировано семь таких случаев⁹⁵. Обычно подобные действия предпринимали группы молодёжи, как правило, неработающей, так называемые скинхеды («бри-тоголовые»).

Для Франции характерна ситуация, когда расизм и ксенофобия как бы «разлиты в воздухе». Им могут быть поражены в большей или меньшей степени все слои принимающего общества, все возрастные и социальные группы. В своей книге Ф. Бродель ссылается на подлинные происшествия, невольным участником которых он был и «которые случаются каждый день». Они стоят того, чтобы пересказать их здесь полностью.

В квартале, в котором он жил, много иммигрантов из Африки и Азии. Как-то вместе с женой он шёл по улице и подошёл к перекрёстку. Внезапно им наперерез с другой улицы мчится негритянский подросток лет пятнадцати, ростом метр семьдесят, на роликовых коньках. На полной скорости он разворачивается прямо

на тротуаре, чуть не сбив их с ног, и уносится прочь. Ф. Бродель возмущенно бросает ему вслед два–три слова. Любитель роликовых коньков уже успел укатить довольно далеко, но тут же возвращается, осыпает его градом ругательств и восклицает: «Дайте же нам жить!» «Выходит, я, старикашка, нарочно преградил ему путь, а моё возмущение не что иное, как расистская агрессия! В утешение я говорю себе, что юный конькобежец белой расы, быть может, вёл бы себя не лучше. Десять лет назад я бы, наверное, просто надавал ему как следует», – пишет Ф. Бродель⁹⁶.

А вот другая история. Его знакомый таксист-африканец, женатый на французке, вполне доволен жизнью и тем, что его трое детей хорошо устроились в жизни, и что у него замечательные внуки. Ф. Бродель рассказал об этом другому таксисту, французке, в машине которой ехал. «Не тут-то было! Она стала сердиться, бранить шофёров-иностранцев. Я знаю её мужа, он тоже шофёр, и знаю, что у них нет детей. Почему? Они и детей ненавидят так же, как иностранцев? Последнее слово осталось за мной, и я сказал ей, что если бы у вас были дети, то сегодня в Париже было бы меньше шофёров-иностранцев»⁹⁷.

При всей эмоциональной манере подачи этих историй, они очень характерны. Среди североафриканских иммигрантов имеет место явление, зеркально отражающее ксенофобию коренных жителей. Во Франции иммигранты второго–третьего поколения объединялись в группы, которые своими настроениями и деятельностью напоминали британских «бритоголовых», и выражали свой протест против общества⁹⁸. Можно предположить, что причины появления подобных групп схожи с таковыми у враждующих между собой молодёжных банд не иммигрантского населения. Пубертатный период, который является, по сути, первым жизненным кризисом личности, обостряет и проявляет имеющуюся внутреннюю пустоту, безысходность, заброшенность и одиночество. Агрессивное поведение маскируется различными формами нетерпимости к иностранцам и иноверцам.

По опросам общественного мнения в 1991 г., 68 % французов в целом терпимо относились к иммигрантам, 24 % – крайне враждебно⁹⁹. В последние годы увеличивается число тех, кто негативно относится к североафриканцам. Статистические данные свидетельствуют о росте преступности среди иностранцев и французов иностранного происхождения. Но эти данные умалчивают о том, что условия жизни в иммигрантских кварталах значительно хуже, чем в целом по стране. На вопрос социологического исследования «Считаете ли Вы, что в Вашем квартале наиболее всего распространены...» ответы распределились в следующем процентном соотношении¹⁰⁰ (см. табл. 9).

Таблица 9

	Иммигрантские при- городы	В целом по стране
Безработица	64	41
Финансовые проблемы	61	42
Вандализм	49	23
Семейные неурядицы	47	29
Одиночество	46	37
Безнадзорные дети и подростки	42	19
Распространение наркотиков	33	15
Рэкет	25	9

Большинство молодёжи иммигрантских кварталов не видит внимания со стороны общества и властей. Они предоставлены самим себе как в социальном, так и в экономическом плане, порой зарабатывая на хлеб насущный всеми возможными способами вплоть до грабежей и торговли наркотиками.

К обвинениям в росте преступности среди иммигрантов в последнее время прибавились опасения французов о будущем своей страны в демографическом плане (рождаемость у североафриканцев гораздо выше, чем у французов) и культурном (растворение французской «самобытности» в «многокультурном» обществе). Именно поэтому на президентских выборах весной 2002 г. «иммиграционный» вопрос имел особое звучание. Были приняты экстраординарные меры для предотвращения столкновений сторонников ультраправого кандидата, лидера Национального фронта Ж.-М. Ле Пена и кандидата правоцентриста Ж. Ширака.

Национальный фронт был создан в 1972 г. Ж.-М. Ле Пенем, бессменным лидером которого он является до сих пор. Изначально Национальный фронт не пользовался популярностью, на президентских выборах 1974 г. Ле Пен получил лишь 0,74 % голосов. Однако постепенно вокруг него объединились различные крайне правые партии («Новый порядок», «Защита Запада», «Федерация национального европейского действия», «Французское дело» и др.) и движение стало набирать силу.

На президентских выборах 1988 г. за Ж.-М. Ле Пена проголосовали уже 14,4 % населения, а в 1995 – 15 %. Весной 2002 г. в первом туре президентских выборов, получив 17,2 % голосов, Ж.-М. Ле Пен сократил разрыв между собой и Ж. Шираком, главным кандидатом на пост президента, до двух с половиной процентов.

Между тем, программа Национального фронта претерпела за прошедшие тридцать лет лишь незначительные изменения. Ле Пен регулярно обещает французам бороться с засильем выходцев из бывших колоний Франции, способствовать соблюдению законности, обеспечить каждому французу рабочее место, низкие налоги и высокую пенсию, а также бороться за крепкую семью, являющуюся традиционной французской ценностью. В последние годы, под влиянием модных веяний, лидер Национального фронта обещал также позаботиться об экологии и сохранении окружающей среды.

Тем не менее, во втором туре президентских выборов Ж.-М. Ле Пен не составил серьёзную конкуренцию Ж. Шираку, получив те же 17 % голосов против 82 %, отданных за действующего президента. Результат, достигнутый Ле Пенем 21 апреля 2002 г., объективно отражает процент населения Франции, разделяющий его идеи и готовый отдать за него свои голоса. Отличаясь, как и все члены крайне правых или крайне левых партий, своей высокой активностью, все сторонники Национального фронта пришли голосовать за своего лидера и в первом и во втором туре, но больше их уже не стало.

Совсем иначе обстояло дело со сторонниками Жака Ширака. Очень многие пассивные сторонники президента предпочли не ходить на выборы, итоги которых, как они считали, заранее известны. Увидев, к чему привела их беспечность, они проявили большую активность, объединившись со сторонниками несостоявшегося финалиста Лионеля Жоспена.

На президентских выборах 2007 г. Ж.-М. Ле Пен набрал 10,44 % голосов, что не позволило ему пройти во второй тур. Это, безусловно, является поражением, по

сравнению с прошлыми президентскими выборами. Многие французские аналитики склонны видеть причину этого в том, что часть предвыборной риторики перенял у своего конкурента молодой и энергичный политик Н. Саркози.

Отношения между французским обществом и магрибинской иммиграцией – это отношения с исторически сложившимися стереотипами восприятия друг друга. Хотя за годы колониализма Франция сумела донести до североафриканцев некоторые особенности своей цивилизации, проводимая ею политика тогда касалась в основном городского населения. Влияние западной системы ценностей и усвоение особенностей французской цивилизации коснулось лишь немногих, в общем – элиты алжирского, тунисского и марокканского обществ, которая получила образование во французских школах и которая имела возможность общения с колонистами. Поэтому особенностью взаимодействия принимающей стороны и североафриканской иммиграции стало то, что появление магрибинцев во Франции вызвало не только экономические и политические, но и социокультурные и социально-психологические изменения. Став новым, чужеродным для французского общества образованием, североафриканцы во многом нарушили устоявшееся течение жизни.

Субъективно для принимающего общества магрибинцы всё ещё остаются чужеродным телом, которое оно стремится чаще отторгнуть, чем оставить. Даже через 40 лет после окончания алжирской войны у французов остаются определённые предубеждения по отношению к следующим поколениям тех, кто приехал на заработки ещё в 1960-е гг. Это позволяет сделать вывод о стойкости колониальной мифологии, которая оказывает влияние на диалог вокруг «проблемы пригородов»¹⁰¹.

Марокканский писатель Тахар Бен Джеллун в своей книге «Французское гостеприимство» (1984) приводит примеры отношения к иммигрантам, которые ярко иллюстрируют менталитет рядовых французов¹⁰². Из приведённых ответов на вопрос «Что Вы можете сказать по поводу непонимания между французами и магрибинцами?», заданный менеджерам среднего и высшего звена завода Рено, видно, какие проблемы возникают в процессе коммуникации французских служащих и рабочих-североафриканцев. Некоторые ответы на вопрос выглядели следующим образом:

«Я считаю, что не все магрибинцы одинаковые – существуют различия между алжирцами, тунисцами, марокканцами. Я, например, не люблю алжирцев. Я участвовал в войне. Я их знаю. У меня нет к ним доверия. Тунисцы это не люди, а нечто вроде пресмыкающихся. Они очень услужливы. У них нет гордости. Марокканцы серьёзны, никогда не бастуют, не обманывают. С ними очень легко ладить. Но я не люблю, что под предлогом болезни они уезжают на каникулы и присылают мне больничный лист».

«Я ничего не имею против магрибинцев. Но я согласен с тем мнением, что они разные. Проблема в том, что все они лгуны, к ним нет доверия. Они говорят одно, а делают совершенно другое. Я живу около Гутт-д'Ор (квартал на севере Парижа, почти целиком заселённый выходцами из Африки). Они постоянно шумят, мой ребёнок порой не может заснуть. Когда они вместе, они безумствуют. Когда они ос-

таются наедине с нами, они спокойные, ничего не говорят. К ним нет доверия... Единственное, что я от них хочу, это чтобы работа, которую они делают, была закончена вовремя. В целом, они хорошие работники, исключая то время, когда они больны».

«Я в ярости! Они понапрасну тратят моё время. Они обращаются ко мне по каждому пустяку и не знают, что у них болит. Для них всё всегда опасно, они проверяют всё: живот и желудок, печень и почки. Они симулируют. Они хотят использовать до конца все возможности бесплатного лечения, даже если они не больны. (Мнение врача)».

То, что говорит доктор, правда. Они сначала приходят ко мне, и каждый раз выдумывают истории. Кроме того, они не очень-то и чистые. Мне неприятно работать с ними. (Мнение санитара)»¹⁰³.

Из подобных высказываний видно, что, прежде всего, это – эмоциональное отношение к иммигрантам. Во главе угла стоит предвзятость восприятия не только психологии другого народа, но даже внешнего облика человека другой национальности.

Согласно проведённым во Франции опросам, неприятие иммигрантов среди основного населения страны снизилось. Так, с утверждением, что во Франции слишком много иммигрантов, в 1995 г. согласилось 74 % опрошенных. В то время как через пять лет доля думающих так снизилась до 59 %. Это связано, в частности, с деятельностью антирасистских и антифашистских организаций, а также с распространением новых социальных движений¹⁰⁴. Ещё через пять лет, в 2005 г., этот показатель составлял 55 %, а в 2006 г. ещё на 7 % меньше – 48 %¹⁰⁵. То есть за 11 лет эта цифра сократилась на 26 %. Если рассматривать опросы общественного мнения за большой промежуток времени, то можно констатировать, что в течение последних пятнадцати лет произошло уменьшение расистских настроений во французском обществе и увеличение толерантности¹⁰⁶. Отметим, что:

- согласие с принципом «национального предпочтения» не переставало снижаться. Общественное мнение стало, в большинстве своём, враждебно дискриминации;
- страх, враждебность или предрассудки по отношению к исламу имеют тенденции сокращаться;
- число сторонников избирательного права для всех иммигрантов на местном уровне увеличивается год от года (оно уменьшилось с 32 % до 28 % 1994–1996 гг., затем не прекращало увеличиваться, поднявшись до 39 % в 1997, 44 % – в 1998 и 52 % – в 1999 г.)¹⁰⁷.

Тем не менее, антииммигрантские настроения остаются на достаточно высоком уровне и неприятие иммигрантов – достаточно существенный фактор внутривнутриполитической жизни страны.

Не стоит забывать, что негативные настроения по отношению к арабам могут быть вызваны ещё и исламофобией. Согласно результатам опросов общественного мнения, только 21 % опрошенных испытывают какие-то позитивные чувства к мусульманской религии¹⁰⁸. Из всех религий именно эта вызывает самые негативные эмоции. Мусульмане, по мнению французов, формируют наименее интегрированную в общественные и социальные структуры французского общества группу¹⁰⁹.

Для того чтобы понять, могло ли принимающее общество стать «своим» для выходцев из северной Африки, можно проанализировать результаты опросов, проведённых в 1960-е гг. и отражающих восприятие иммигрантами новой для них среды. Их основной целью было выяснение того, что больше всего удивляло и поражало магрибинцев в жизни французского общества¹¹⁰ (см. табл. 10).

Таблица 10

Что удивило	% от общего числа опрошенных
Индивидуализм, правило «каждый за себя»	86
Техника, образ мышления, быстрота жизни	64
Высшая ценность – деньги, материальная выгода, конкуренция	48
Европоцентризм, чувство превосходства	47
Чувство личной свободы	12
Климат, погодные условия	7

Как видно из этого опроса, больше всего иммигрантов поражало то, что не соответствовало их традиционным представлениям о жизни. Ритм жизни французского общества, отношения между его членами, шкала ценностей и норм поведения отличались от привычных иммигрантам и могли вызывать у них чувство непонимания и даже неприятия. Лишь спустя определённое время североафриканец привыкал к новой для него действительности. По результатам опросов, срок адаптации составлял около 7 лет¹¹¹. За это время иммигрант в какой-то мере привыкал к правилам жизни во Франции и взаимоотношениям во французском обществе.

Представители североафриканской иммиграции имели свою шкалу оценки европейского общества. Интересен один из опросов, проведённых в конце 1960-х гг., среди африканских студентов, обучающихся во Франции¹¹². Его организаторов в первую очередь интересовало то, что думают африканцы о Франции и французах:

- около 32 % опрошенных высказало в целом положительное мнение;
- более 36 % видели в жителях Франции как положительные, так и отрицательные черты;
- около 25 % придерживались негативного взгляда на французов.

Сторонники крайних точек зрения делились примерно поровну. Интересно, что значительную долю респондентов составили те, кто занимал промежуточную позицию. Это свидетельствовало о том, что многие африканцы достаточно объективно оценивали французское общество и были способны увидеть в нём различные стороны. Отношение африканцев к французам менялось в зависимости от продолжительности времени, проведённого в иммиграции. Если на первом году более 16 % опрошенных заявляли об общем положительном отношении к коренным жителям Франции, то на третьем году это число возрастало до 25,6 %, затем резко уменьшалось на четвёртом году до 13,6 %, после чего процент вновь начинал расти. Такие же результаты, только как бы в зеркальном отражении, были получены среди тех, кто негативно относился к французам. В первый год отрицательную оценку

жителям Франции дали более 27 % опрошенных, на третий год их число сократилось до 13,9 %, на четвёртый год резко возросло до 32 % и затем стало снижаться (более четырёх лет – 26,3 %). Наибольшей стабильностью отличалось мнение тех, кто сохранял двойственное отношение к населению бывшей метрополии. Их доля составляла около 34–36 % независимо от времени пребывания в иммиграции.

Используя эту информацию (и делая поправку на не совсем полную репрезентативность данного опроса, который проводился только среди студентов), можно сделать ряд определенных выводов. Достаточно ясно проявилась тенденция увеличения числа тех, кто положительно относился к французам, ко второму и ещё больше к третьему году пребывания во Франции. За этот период шёл активный процесс узнавания нового окружения, знакомства с ним. Тем более удивителен всплеск негативных эмоций на четвёртом году пребывания в иммиграции. Видимо, отрицательный заряд, который получали африканцы, достигал своей критической массы и выплёскивался наружу в виде значительного распространения неблагоприятного мнения о французах. Однако те, кто продолжал оставаться в иммиграции, постепенно привыкал к окружающей обстановке. В результате их отношение к принимающему обществу несколько улучшалось. В целом же, несмотря на все колебания, внутри группы опрошенных сохранялась известная стабильность мнений.

Участники опроса также называли качества и черты французов, которые, по их представлениям, являлись положительными или отрицательными. Африканцы основывались на том, как происходили их контакты с французами, какую реакцию они вызывали у своих собеседников. Среди положительных были названы такие черты, как вежливость, любезность и воспитанность, присущие большинству французов. Однако эти качества характеризуют лишь внешнюю сторону общения и не дают представления о реальном отношении к североафриканцам. Такие же черты как открытость, умение слушать и понимать собеседника были названы гораздо меньшим числом участников опроса. Это говорит о том, что большинство контактов между иммигрантами и французами не имели по-настоящему глубокого характера и не вели к взаимному узнаванию. Такое восприятие подтверждается и тем, как сами африканцы часто оценивали своё общение с жителями Франции. По их словам, большинство французов «держало африканцев за идиотов», ничего не желало понимать в проблемах, которые их волновали, если только они не касались самих французов. По мнению североафриканцев, французы практически не обладали способностью «понимать других». Что касается черт, вызывавших негативную реакцию иммигрантов, то к ним относились: неспособность понять собеседника, эгоизм и индивидуализм¹¹³.

Таким образом, ксенофобия и расистские настроения, вызванные взаимными обвинениями и стереотипами восприятия друг друга, характерны как для основного, «белого», населения Франции, так и для «цветных» иммигрантов. Понимание этого обстоятельства необходимо для поиска действенных мер для борьбы с расизмом и ксенофобией. Общество и власти Франции должны делать соответствующие шаги, направленные на борьбу с распространением расовых предрассудков. Но и представители сообществ иммигрантов, в свою очередь, должны уважать культуру и образ жизни принимающей стороны, противодействовать проявлениям ксенофобии в своей среде, которые объективно препятствуют их интеграции в принимающем обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Североафриканская иммиграция берёт своё начало в конце XIX – начале XX в. Замедление темпов естественного прироста населения и нехватка рабочей силы во Франции на фоне экономического подъёма вызывали необходимость привлечения иностранной рабочей силы.

За более чем столетнюю историю магрибинская иммиграция прошла ряд этапов. Можно проследить тесную взаимосвязь между экономическим подъёмом в стране и ростом иммиграции, которая стала надёжным способом заполнения пустующих рабочих мест. В 1970-е гг. получает распространение семейная иммиграция, более выгодная, т. к. она позволяет избежать утечки денежной массы за границу, а, с другой стороны, – расширяет оборот внутреннего рынка Франции.

К сожалению, автор не сумел отыскать индекс фертильности французских магрибинцев в последние годы, но с уверенностью можно говорить, что под влиянием принимающего сообщества он всё больше падает. Тем не менее, рождаемость у неевропейских иммигрантов по-прежнему значительно выше, чем у французов.

Иностранные рабочие составляют около 7 % экономически активного населения Франции и размещаются в основном в трёх районах страны с центрами в Париже, Лионе и Марселе. Главными сферами применения труда иммигрантов являются строительство (20 %), отрасли промышленности с применением поточно-конвейерного производства (29 %) и сфера обслуживания и торговли (48,8 %). В силу худшей профессиональной подготовки выходцы из Северной Африки становятся первыми кандидатами в армию безработных. В 1996 г. средний уровень безработицы среди иностранцев – выходцев из стран Магриба достигал 32 %. В настоящее время иммигранты из стран Магриба составляют более 2 % населения Франции.

По прошествии 20–30 лет иностранцы стали неотъемлемой частью рабочей силы Франции. С прекращением наплыва новых иммигрантов происходит стабилизация иностранной общины с высоким уровнем рождаемости. Всё большее внимание начинают привлекать иммигрантские семьи, в частности второе поколение североафриканцев.

В семьях иммигрантов образовалась некая субкультура, которая представляет собой сплав традиций Востока и европейской культуры. Североафриканская молодёжь обладает признаками, с одной стороны, культуры, унаследованной от родителей, а с другой, – культуры западной, окружающей её на протяжении всей жизни. Критическое отношение и к Западу, и к Востоку свидетельствует о кризисных формах самоощущения этого поколения магрибинцев во Франции. Ислам для детей иммигрантов, которые впервые взяли в руки Коран во Франции, представляет собой лишь часть культуры предков.

Невысокий образовательный уровень большинства иммигрантов ведёт к «маргинализации» общей культуры жителей страны. В этой связи имело бы смысл оценить сведения об изменении интеллектуального уровня местного магрибинского населения, но, к сожалению, подобные данные не всегда доступны. Значительная часть магрибинцев превратилась в стабильный этнический элемент Франции. Их

социально-экономическое положение создаёт новую политическую реальность, которую вынуждены учитывать власти. Наложение социальных проблем на проблемы экономические на фоне культурных различий провоцирует появление нетерпимости и ненависти к иностранцам.

К обвинениям в росте преступности в последнее время прибавились опасения о будущем страны в демографическом плане из-за высокой рождаемости у североафриканцев и плане культурном – в «многокультурном» обществе велика вероятность растворения французской «самобытности».

Эволюция североафриканской иммиграции протекает под воздействием двух тенденций:

- ассимиляции, которая осуществляется через межэтнические браки и натурализацию и которая предполагает постепенное усвоение этническими группами чуждой для них культуры;
- интеграции, предполагающей активное участие иммигрантов в общественной жизни, несмотря на наличие у них иных этнических, культурных, социальных и психологических особенностей.

Принимая во внимание особый менталитет североафриканцев, их психологические особенности, культуру и традиции политика Франции в отношении североафриканских иммигрантов направлена, в первую очередь, на *интеграцию* магрибинцев в общественно-политическую жизнь страны. Так как ислам – неотъемлемая часть не только культуры, но и социально-политической жизни североафриканских иммигрантов, то *ассимиляция* воспринимается ими как своего рода угроза отказа от ислама и необходимость принятия христианства, чего они не хотят допустить.

Постольку нет основания полагать, что ситуация с безработицей разрешится в прогнозируемом будущем, спрос на иностранную рабочую силу, вероятно, останется на низком уровне. Это означает, что нет оснований говорить о смягчении миграционной политики французских властей. Поэтому основной задачей на сегодняшний день является улучшение условий жизни уже обосновавшихся во Франции законным путём магрибинцев, а также создание благоприятных условий для их как можно более качественной интеграции во французское общество.

С полным основанием можно утверждать, что иммиграция оказывает влияние на все стороны общественной жизни современной Франции – экономическую, юридическую, политическую, культурную и религиозную.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Французский гражданский кодекс. СПб., 2004 г.
- ² www.rfi.fr
- ³ *Синяткин И.В.* Североафриканская иммиграция во Франции: Социокультурный и профессиональный аспекты. М., 2002. С. 17.
- ⁴ *Бродель Ф.* Что такое Франция? Люди и вещи. Т. 1. М., 1995. С. 184.
- ⁵ Там же. С. 184.
- ⁶ *Павлуцкая Э.Ф.* Формирование североафриканской трудовой миграции // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 1997. С. 57.
- ⁷ *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 184.
- ⁸ *Кукушкин П.В.* Положение эмигрантов из стран Магриба во Франции: социально-политические проблемы в человеческом измерении // Гуманитарные аспекты международных отношений. М., 1992. С. 47.
- ⁹ *Любарт М.К.* Арабы-мигранты в современной Франции // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 235.
- ¹⁰ *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 184.
- ¹¹ *Синяткин И.В.* Указ. соч. С. 20.
- ¹² Там же. Стр. 22.
- ¹³ *Павлуцкая Э.В.* Формирование североафриканской трудовой иммиграции во Франции. С. 96.
- ¹⁴ *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 184.
- ¹⁵ *Синяткин И.В.* Указ. соч. С. 24.
- ¹⁶ Там же. С. 24–25.
- ¹⁷ <http://www.ined.fr/>
- ¹⁸ *Синяткин И.В.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁹ *Павлуцкая Э.В.* Указ. соч. С. 97.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 99.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Le Monde
- ²⁵ *Акинин В.Е.* Африканцы в Европе. Африканские диаспоры во Франции и Великобритании в 60–80е гг. XX в.: дисс. ... канд. ист. н. М., 1996. С. 96.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 100.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Павлуцкая Э.В.* Указ. соч. С. 100.
- ³⁰ Там же. С. 34.
- ³¹ *Синяткин И.В.* Указ. соч. С. 35.
- ³² *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 180.
- ³³ *Синяткин И.В.* Указ. соч. Стр. 35.
- ³⁴ *Акинин В.Е.* Указ. соч. С. 87.
- ³⁵ *Кукушкин П.В.* Указ. соч. С. 50.
- ³⁶ *Акинин В.Е.* Указ. соч. С. 93.
- ³⁷ *Деменцева Е.Б.* Магрибинцы во Франции: история эмиграции и эволюция диаспоры. М., 2002. С. 47.
- ³⁸ *Кукушкин П.В.* Указ. соч. С. 50.
- ³⁹ Эвианские соглашения между правительством Франции и Временным правительством Алжирской Республики подписаны 18 марта 1962 г. Они закрепили победу Алжира в национально-освободительной войне против Франции.
- ⁴⁰ *Кукушкин П.В.* Указ. соч. С. 50.
- ⁴¹ Там же. С. 52.
- ⁴² *Синяткин И.В.* Указ. соч. С. 36.
- ⁴³ *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 184.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 185.
- ⁴⁶ *Павлуцкая Э.В.* Указ. соч. С. 103.
- ⁴⁷ *Акинин В.Е.* Указ. соч. С. 67–68.
- ⁴⁸ *Синяткин И.В.* Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁹ *Павлуцкая Э.В.* Указ. соч. С. 103.
- ⁵⁰ Там же. С. 104.
- ⁵¹ *Синяткин И.В.* Указ. соч. С. 42.
- ⁵² *Павлуцкая Э.В.* Указ. соч. С. 106.
- ⁵³ *Любарт М.К.* Арабы-мигранты в современной Франции. С. 240.
- ⁵⁴ Les principaux points du projet de loi sur l'immigration // Le Monde. 27.04.2006.
- ⁵⁵ *Синяткин И.В.* Указ. соч. С. 45.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 46.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 47.

- ⁶¹ Сияткин И.В. Североафриканская иммиграция во Франции. С. 87.
- ⁶² Там же. С. 88.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. С. 89.
- ⁶⁵ Там же. С. 90.
- ⁶⁶ *Cuche D.* Femmes algériennes expatriées en France. De l'identité sociale légitime à l'identité individuelle illégitime // *La France au pluriel?* Paris, 1984.
- ⁶⁷ *Tévanian P.* Le racisme républicain. P., 2002. P. 25.
- ⁶⁸ Акинин В.Е. Указ. соч. С. 73.
- ⁶⁹ Данные по: Сияткин И.В. Североафриканская иммиграция во Франции.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Деменцева Е.Д. С. 81.
- ⁷² Там же. С. 88.
- ⁷³ Там же. С. 101.
- ⁷⁴ *Tévanian P.* Le racisme républicain. P. 86.
- ⁷⁵ www.insee.fr
- ⁷⁶ Бродель Ф. Что такое Франция? С. 189.
- ⁷⁷ www.education.gouv.fr
- ⁷⁸ www.insee.fr
- ⁷⁹ Данные по: Сияткин И.В. Североафриканская иммиграция во Франции.
- ⁸⁰ Там же. С. 95.
- ⁸¹ *Tévanian P.* Op. cit. P. 32.
- ⁸² Ibid. P. 32.
- ⁸³ Ibidem.
- ⁸⁴ Сияткин И.В. Указ. соч. С. 94.
- ⁸⁵ Данные по: Сияткин И.В. Североафриканская иммиграция во Франции.
- ⁸⁶ Там же. С. 96.
- ⁸⁷ Акинин В.Е. Указ. соч. С. 80.
- ⁸⁸ Сияткин И.В. Указ. соч. С. 102.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. С. 102.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Данные по: Сияткин И.В. Североафриканская иммиграция во Франции.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. С. 135.
- ⁹⁶ Бродель Ф. Указ. соч. С. 188–189.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Сияткин И.В. Указ. соч. С. 136.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Данные по: *Mermet G.* Francoscopie. P., 1997. P. 207.
- ¹⁰¹ *Tévanian P.* Le racisme républicain. P. 25.
- ¹⁰² Сияткин И.В. Указ. соч. С. 156.
- ¹⁰³ Прожогина С.В. Иммигрантские истории. М., 2001.
- ¹⁰⁴ *Tévanian P.* Le racisme républicain. P. 9.
- ¹⁰⁵ Rapport de la Commission Nationale Consultative Des Droits De L'Homme sur le racisme, l'antisémitisme et la xénophobie. P., 2007. P. 82.
- ¹⁰⁶ Ibid. P. 83.
- ¹⁰⁷ Ibid. P. 35–36.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 84.
- ¹⁰⁹ Ibidem.
- ¹¹⁰ Данные по: Акинин В.Е. Африканцы в Европе. С. 170.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. С. 171.
- ¹¹³ Там же. С. 174.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРЫЕ ЗАНИМАЮТСЯ ПРИЁМОМ
ИММИГРАНТОВ**

Вопросами приёма мигрантов, предоставления правового статуса и социально-бытового обеспечения во Франции занимаются различные государственные, коммерческие и общественные организации.

— Высший Совет по интеграции – подчиняется правительству Франции, в его задачи входит подготовка рекомендаций по разработке и реализации политики интеграции. Председатель Совета – г-жа Симон Вейль.

— Французское бюро помощи беженцам и апатридам (OFPRA) – занимается вопросами рассмотрения ходатайств лиц, ищущих убежища и предоставления статуса. Оно подчиняется МИД Франции, его директор одновременно является сотрудником МИД.

— Апелляционная комиссия (CRR) – рассматривает заявления лиц, не согласных с отказом OFRA в предоставлении им статуса беженца. Её возглавляет член Государственного совета. Работа CRR строится по секциям, каждая из которых состоит из трёх членов: профессионального судьи (обычно из Государственного совета или других административных судов), представителя Совета OFPRA и представителя УВКБ ООН.

— Специальный департамент Министерства труда и солидарности занимается практическими вопросами интеграции иностранных граждан и лиц без гражданства, а также разрабатывает политику интеграции. Департамент состоит из трёх подразделений: первое ведает вопросами выдачи иностранцам разрешений на работу, второе – вопросами приёма (воссоединения) семей иммигрантов и работы с общинами, третье – вопросами натурализации (находится в г. Нанте).

— Специальная служба помощи эмигрантам (SSAE) – оказывает финансовую помощь всем лицам, ищущим убежища, до момента регистрации их ходатайств.

— Фонд социальных действий (FAS) – занимается предоставлением пособий и финансовым обеспечением программ обучения иммигрантов. Деятельность FAS контролируется Министерством труда и солидарности, Министерством финансов. Директора FAS назначает правительство страны.

— Бюро по международной миграции (OMI) – государственный орган, осуществляющий выдачу разрешений иностранным гражданам, желающим работать во Франции, обеспечивающий обязательное медицинское обслуживание имми-

грантов. Он осуществляет контроль за законностью использования иностранной рабочей силы, условиями проживания семей рабочих-иммигрантов. В его бюджет поступают средства, отчисляемые работодателями за использование иностранной рабочей силы, продление разрешений на работу, вызов семьи иностранного рабочего.

— Центры по приёму лиц, ищущих убежища (CADA). В стране действуют 54 таких центра, рассчитанных на 3300 чел.

— Центры временного размещения лиц, получивших статус (CPH). Функционирует 35 центров временного размещения, способные принять 1240 чел.

Большинство центров CADA и CPH распределены по территории страны в сельской местности и пригородах, каждый из них может принять до 60 чел. Координацию государственной системы приёма лиц, ищущих убежища, осуществляет организация France terre d'asile. Государство передало ей обязанности по управлению центрами и оплачивает все расходы, связанные с их работой.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-58-79
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-495) 938-06-00

Дмитрий Морозов — аспирант Института этнологии и антропологии РАН. Закончил исторический факультет Московского государственного университета. Область научных интересов: формирование североафриканской иммиграции во Франции, социально-экономические и психологические проблемы её интеграции.

Dimitri Morozow — Post-graduate student at the department of European studies, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. The field of the scientists interests: the formation of the North-African immigration in France, social-economical and psychological problems of its integration.